

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК

**Уфимского юридического
института МВД России**

№ 4 (82)

BULLETIN

of Ufa Law Institute

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) Научной электронной библиотеки «eLIBRARY»

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY»

Уфа – 2018

12+

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель директора, заведующая кафедрой теории государства и права Института права БашГУ.

Аминев Фарит Гизарович – доктор юридических наук, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры криминалистики Института права БашГУ.

Асянова Светлана Рифовна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Баишева Зилия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права БашГУ.

Баймиева Вера Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Варданын Аноп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева ВИПК МВД России.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Даянов Ирек Сайфуранович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятель-

ности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Еникеев Zufar Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Игбаева Гузель Римовна – кандидат юридических наук, доцент, врио начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаева Регина Минияровна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Костеников Михаил Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Куракин Алексей Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, директор Института права БашГУ.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Миронов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Мулукаев Роланд Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Низаева Светлана Рамилевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии БашГУ.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Сердюк Леонид Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права БашГУ, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор Института права БашГУ.

Усманова Резида Минияровна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала БашГУ.

Хакимова Эльмира Робертовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Института права БашГУ, профессор кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Башкортостан. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ02-01459 от 22 сентября 2015 г.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Литературный редактор Д. И. Шабазова. Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 20.12.2018.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 6,1. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 93. Цена свободная.

BULLETIN

№ 4 (82) 2018

of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – candidate of law, chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – candidate of law, associate professor, deputy chief of Ufa Law Institute the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (in research work).

Members of the editorial board

Aznagulova Guzel Mukhametovna – doctor of law, associate professor, first deputy chief, head of theory of state and law chair of the Institute of law of Bashkir State University.

Aminev Farit Gizarovich – doctor of law, honoured employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the chair of criminalistics of the Institute of law of Bashkir State University.

Asyanova Svetlana Rifovna – candidate of pedagogy, lecturer of the chair of pedagogy and psychology in internal affairs officers' activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – doctor of philology, associate professor, honoured teacher of the Republic of Bashkortostan, professor of theory of state and law chair of the Institute of law of Bashkir State University.

Baimieva Vera Yurievna – candidate of philology, associate professor, associate professor of the chair of foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Bakirova Lena Rifkhatovna – candidate of philology, associate professor of the chair of foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – doctor of law, professor, professor of the chair of civil law and procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – doctor of philology, associate professor, honoured worker of higher vocational education of the Russian Federation, professor of the chair of foreign language and culture of speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – doctor of law, professor, chief of the chair of criminalistics and operative-detective activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – doctor of pedagogy, associate professor, chief researcher of the Research institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – doctor of law, associate professor, professor of the chair of constitutional and administrative law of Volgograd academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – doctor of law, professor, professor of the chair of counteraction against illegal drug trafficking of International Interdepartmental training center for operational units named lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Grishko Alexander Yakovlevich – doctor of law, professor, professor of the chair of criminal and penal executive law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Dayanov Irek Saifuranovich – candidate of law, associate professor, associate professor of the chair of operative-detective activity of internal affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Emelin Sergei Mikhailovich – doctor of law, associate professor, professor of the chair of history and theory of state and law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Enikeev Zufar Irgalievich – doctor of law, professor, corresponding member of the Academy of Sciences, chairman of the Constitutional court of the Republic of Bashkortostan.

Zautorova Elvira Viktorovna – doctor of pedagogy, professor, corresponding member of the International academy of pedagogical education, professor of the chair of legal psychology and pedagogy of Vologda institute of law and economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Igbaeva Guzel Rimovna – candidate of law, associate professor, associate professor of the chair of civil law subjects of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Ilyin Dmitriy Yurievich – doctor of philology, associate professor, honoured worker of higher vocational education of the Russian Federation, chairman of the Russian philology chair of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – doctor of law, professor, honoured lawyer of Kuban, professor of the chair of criminal law and criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – candidate of law, deputy chief of the criminalistics chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Isaeva Regina Miniyarovna – candidate of law, associate professor, chief of the criminal procedure chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – doctor of philology, associate professor, professor of the chair of foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Kaats Marina Evaldovna – candidate of law, associate professor, associate professor of the criminal procedure chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Karimov Rim Rimovich – candidate of law, deputy chief of the chair of history and theory of state and law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Kostennikov Mikhail Valerievich – doctor of law, professor, honoured employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the preparation center for police officers in maintaining public order and migration service of All-Russian advanced training institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Kurakin Alexey Valentinovich – doctor of law, professor, professor of the preparation center for police officers in maintaining public order and migration service of All-Russian advanced training institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – candidate of law, associate professor, deputy chief of the criminal procedure chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – candidate of psychology, associate professor, chief of the chair of pedagogy and psychology in internal affairs officers' activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – doctor of pedagogy, professor, professor of the chair of legal psychology and pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – candidate of law, associate professor, chief of the chair of management in the internal affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Makarenko Iona Anatolyevna – doctor of law, professor, honoured lawyer of the Republic of Bashkortostan, chief of the Institute of law of Bashkir State University.

Malikov Boris Zufarovich – doctor of law, professor, professor of the chair of criminal law and criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – candidate of law, associate professor of the chair of civil law subjects of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – doctor of law, associate professor, professor of the chair of constitutional and municipal law of Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – doctor of law, professor, dean of the department of law of Ulyanovsk State University.

Mulukaev Roland Sergeevich – doctor of law, professor, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, chief scientific worker of scientific research center of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, president of Russian society of history and law.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – doctor of law, associate professor, professor of the chair of theory of state and law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Nizaeva Svetlana Ramilevna – candidate of law, senior lecturer of the criminalistics chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – doctor of law, professor, professor of the chair of criminal law and criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – doctor of philology, professor, professor of the chair of the English language and cross-cultural communication of the Romance-Germanic philology department of Bashkir State University.

Petrova Elena Alexandrovna – doctor of philology, associate professor, excellent worker of education of the Republic of Bashkortostan, head of the chair of foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – doctor of law, professor, professor of the chair of the management of criminal detection bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – candidate of law, associate professor, chief of the chair of administrative law subjects of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – candidate of law, associate professor, chief of the chair of history and theory of state and law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Serdyuk Leonid Vasilyevich – doctor of law, professor, professor of the chair of criminal law and criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – doctor of law, professor, head of the department of criminal law and processes of the Institute of Law of Bashkir State University, professor of the department of criminal procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tolkachev Konstantin Borisovich – doctor of law, professor, full member of the Academy of Military Sciences, honored lawyer of the Russian Federation, chairman of the State Assembly – Kurultay of the Republic of Bashkortostan.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – doctor of law, professor, honoured worker of higher vocational education of the Russian Federation, honoured lawyer of the Republic of Bashkortostan, head of the chair of civil law and procedure, professor of the Institute of law of Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – doctor of law, associate professor, excellent worker of education in Russia, dean of the law department of Sterlitamak branch of Bashkir State University.

Khakimova Elmira Robertovna – candidate of law, associate professor, deputy chief of the chair of administrative law subjects of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

Khalikov Aslyam Nailevich – doctor of law, associate professor, professor of the department of criminalistics of the Institute of Law of Bashkir State University; professor of the department of criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yakhina Yuliya Kharisovna – candidate of law, associate professor, chief of the chair of constitutional law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in the Republic of Bashkortostan.

The mass media registration certificate PM № TS02-01459 22.09.2015.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor D. I. Shabazova. Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 20.12.2018. Format 60x84 1/8.

Conv. print sheets 6,1. Typeface Times. Circulation: 60 copies. Order № 93. Free price.

Содержание

Научные статьи и доклады.....10

**Теория и история государства и права. История учений о праве и го-
сударстве. Конституционное право**

Реент Ю. А. К проблеме становления сыскной полиции Российской империи.....10

Кудрявцева О. Г. Профилактика суицидов несовершеннолетних как одно из направлений ювенальной политики государства.....14

Самигуллин В. К. Мустафа Чокай-Бей – совесть Востока.....19

Харисова А. З. Экономический рост Российской Федерации как фактор обеспечения национальной безопасности.....25

Уголовное право. Криминология

Сыч К. А. Уголовно-правовой поступок и меры наказания за его совершение.....28

Шмелева О. Г., Муксинова А. Ф. Уголовная ответственность за легализацию доходов, добытых в результате незаконной добычи древесины.....31

Исмаилова А. Р. Противодействие деятельности сект и иных нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера в 1905–1930 годы.....36

Уголовный процесс. Криминалистика

Антонов И. А., Мамонтов А. Г. Допустимость прекращения уголовного дела в ходе судебного производства: больше вопросов, чем ответов.....42

Победкин А. В. Ни обвиняемый, ни свидетель: создание «сущего без нужды».....47

Талынева З. З., Давыдова С. Р. К вопросу о доказательственном значении материалов аудио- и видеозаписи в уголовном процессе.....54

Еркеев И. Х. Преступность в сфере экономической деятельности и криминализация отношений как деструктивный фактор экономической безопасности.....58

Гражданское право

Комлев Н. Ю., Отбоева Р. Р. Экологическая безопасность России в условиях экономической интеграции (в рамках вступления во Всемирную торговую организацию).....61

Игбаева Г. Р., Шакирова З. Р. Правовые основы предоставления гарантий (компенсаций) работникам, замещающим должности во вредных условиях труда.....65

Рахимов Э. Х. К вопросу об одобрении сделок при осуществлении государственных закупок.....68

Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика

Баймиева В. Ю. Изучение видов глагола на занятиях русского языка как иностранного.....73

Нафикова Л. Ф. Социокультурный компонент в англоязычном рекламном тексте.....77

Общая педагогика, история педагогики и образования. Теория и методика профессионального образования

Бикчинтаева Л. Г. К проблеме выбора парадигмы и смысловых акцентов изучения психологии личности в образовательной организации высшего образования системы МВД России.....81

Линевич В. Л. Социально-правовая незащищенность подростков как фактор суицидального риска.....85

Муртазин А. И. Огневая подготовка курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России: проблемы и перспективы....91

Степанов Г. И., Туко Д. Д. Роль физической культуры и спорта в профессиональной подготовке обучающихся в образовательных организациях системы МВД России.....94

Памятка.....97

Contents

Scientific articles and reports.....10

Theory and History of State and Law. History of Law and State Teachings.

Constitutional Law

Reyent Yu. A. To the problem of the formation of the detective police of the Russian empire.....10

Kudryavtseva O. G. Prevention of suicides of minors as one of directions of juvenal policy of the state.....14

Samigullin V. K. Mustafa Chokai-Beye – conscience of the East.....19

Kharisova A. Z. Economic Growth of the Russian Federation as a Factor in Ensuring National Security.....25

Criminal Law. Criminology

Sych K. A. Criminal misconduct and penalties for committing it.....28

Shmeleva O. G., Muxinova A. F. Criminal liability for legalization of revenue profitable illegal production of wood.....31

Ismagilova A. R. The opposition of sects and other nontraditional religious associations destructive nature in 1905–1930.....36

Criminal Procedure. Criminalistics

Antonov I. A., Mamontov A. G. The validity of the termination of the criminal proceedings during pre-trial proceedings: more questions than answers.....42

Pobedkin A. V. Not a single accused, no evidence: the creation of «things without need».....47

Talyneva Z. Z., Davydova S. R. To the question of evidentiary value of the materials, audio and video recordings in criminal proceedings.....54

Erkeev I. Kh. Crime in the sphere of economic activity and criminalization of relations as a destructive factor of economic security.....58

Civil Law

Komlev N. U., Otboeva R. R. Federation environmental safety in the conditions of economic integration of the Russian.....61

Igbaeva G. R., Shakirova Z. R. The legal basis for the provision of guarantees (compensation) employees working in hazardous conditions.....65

Rakhimov E. Kh. To the question of approval of transactions in the implementation of state purchases.....68

General Problems of Linguistics. Language and Law. Legal Linguistics

Baimieva V. Y. Studying the types of verb at russian as a foreign language classes.....73

Nafikova L. F. Socio-cultural component in the english-language advertising text.....77

General Theory of Education. History of Pedagogy and Education. Theory and Methods of Vocational Education

Bikchintayeva L. G. On the choice of paradigm and semantic accents of the study of personality psychology in the educational organization of higher education system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....81

Linevich V. L. Social and legal defense of adolescents as a factor of suicidal risk.....85

Murtazin A. I. Fire training of cadets and listeners of educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: problems and prospects.....91

Stepanov G. I., Tuko D. D. The role of physical culture and sport in professional training of trainers in educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....94

Instruction.....97

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 34:94(470+571)

Ю. А. РЕЕНТ, профессор кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор исторических наук, профессор (г. Рязань)

YU. A. REYENT (REENT), professor of philosophy and history the department the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia, doctor of historical sciences, professor (Ryazan)

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

TO THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE DETECTIVE POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE

Аннотация. В статье отражены характерные черты становления и развития первых общегосударственных структур уголовного сыска России на рубеже XIX и XX веков. Затронуты как организационно-правовые принципы становления системы сыскных отделений, так и духовно-нравственные аспекты, положенные в основу деятельности служащих этих учреждений. Публикация приурочена к официальному празднованию 100-летия отечественного уголовного розыска. Однако автор доказывает, что названная полицейская служба фактически появилась в России значительно раньше.

Ключевые слова: история отечественного права и государства, Российская империя начала XX века, полиция, сыскные отделения, уголовный розыск.

Annotation. The article reflects the characteristics of the formation and development of the first state structures of criminal investigation of Russia at the turn of XIX and XX centuries. Here are affected as organizational and legal principles of formation of the system of detective departments, and spiritual and moral aspects underlying the activities of employees of these institutions. The publication is timed to the official celebration of the 100th anniversary of the national criminal investigation. However, the author proves that the named police service actually appeared in Russia much earlier.

Keywords: the history of domestic law and the state, the Russian Empire of the early twentieth century, the police, detective departments, criminal investigation.

5 октября 1918 г. отмечался 100-летний юбилей российского уголовного розыска. В основу его легло принятое

Народным комиссариатом внутренних дел РСФСР «Положение об организации отделов уголовного розыска». Дата,

безусловно, знаменательная, но в значительной мере оторванная от исторических реалий. При желании можно вспомнить немало более древних структур, призванных ловить преступников. Но все же оставим пока без внимания губные избы, Разбойный приказ и ряд других учреждений в силу их несовершенства и многопрофильности.

На наш взгляд, истоки уголовного розыска в качестве самостоятельного направления правоохранительной деятельности следует отнести к 1866 г., когда при канцелярии Санкт-Петербургского обер-полицмейстера была создана первая в России сыскная часть. Аналогичное подразделение в Москве появилось лишь через 15 лет. В целом же рождение уголовного розыска в статусе общероссийской структуры напрямую связано с реализацией Закона Российской империи «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г.

Как отмечалось в этом документе, «для производства розыска по делам общеуголовного характера как в городах, так и в уездах» было решено учредить 89 сыскных отделений [1]. Они подразделялись на 4 разряда. К 1-ому разряду могли быть отнесены лишь учреждения в городах с населением более 190 тыс. человек. Таких набралось только три: Киев, Харьков и Тифлис, поскольку Москва, Санкт-Петербург и Варшава выделялись в особую категорию. Сыскные части 2-го разряда вводили в городах с населением от 90 до 190 тыс. жителей. На 1908 год их насчитывалось 14. 3-й разряд (с населением от 35 до 90 тыс. человек) был самым многочисленным и насчитывал 53 части, поскольку в малых городах с населением менее 35 тыс. человек учредили только 19 сыскных отделений 4-го разряда [2, с. 259].

Благодаря этому нововведению местные структуры полиции были ощутимо усилены, невзирая на то, что штатная численность их была отнюдь немногочисленной. В частности, для

отделений 1-го разряда предусматривались должности: начальник, помощник начальника, 2 чиновника для особых поручений, 4 надзирателя и 12 городских. Как уже отмечалось, особым статусом обладали столичные подразделения. Максимальный их кадровый состав сформировался за полгода до Февральской революции. Усиленный штат сыскного отделения Петрограда – города, насчитывающего в ту пору около 2 млн жителей, составил 13 классных чинов, 200 надзирателей и 10 служащих [3, л. 40]. По нынешним временам это смешные цифры.

Начальники сыскных частей, в отличие от участковых приставов, имели больше свободы в принятии служебных решений и более высокий чин в Табели о рангах. Помимо того, они могли использовать достаточно крупные суммы на оперативные нужды. Как правило, начальник сыскного отделения числился помощником полицмейстера, имея при этом в полтора раза более высокое жалование и сумму столовых денег, чем другие помощники [4, с. 7, 49]. Если же имелись основания подозревать политический характер разрабатываемого дела, то оно должно было срочно направляться в охранное отделение или жандармерию. В таких случаях руководитель сыскного отделения делал отчеты о ходе негласных расследований прокурору окружного суда, а не полицмейстеру [5, с. 3–4].

Личный состав сыскных отделений был укомплектован наиболее опытными и зарекомендовавшими себя с лучшей стороны полицейскими. При этом многие руководители МВД полагали, что сыщику уголовной полиции «нужно быть если не самим из таких же преступников, то, по крайней мере, иметь близкие интимные связи с преступным миром». Другие же считали, что «полицейский розыск лишь тогда даст благие результаты, когда ведущие его лица будут сами глубоко нравствен-

ными и безупречно чисты, будут далеки от каких бы то ни было интимных сношений с преступной средой, кроме сношений официальных» [6, с. 15].

Но пока они вели теоретические споры, уровень криминальных проявлений в обществе рос высокими темпами. В целом по стране чины сыскных отделений отдавали все силы на борьбу с противоправными деяниями. Критериями этой деятельности могут быть статистические данные. Так, в 1908 г. в суды было передано 1 109 256 уголовных дел, участие в которых принимал уголовный сыск, а в 1913 г. их число достигло 2,1 млн [7, с. 112–113]. Однако результативность труда сыщиков нередко определялась экономической и политической обстановкой, а не их стараниями и приобретенным опытом.

Для выяснения деловых и моральных качеств личного состава в 1915 г. персонал сыскных отделений был обследован Департаментом полиции. От выявленного ненужного «балласта» освобождались без особых колебаний. Этому в значительной мере поспособствовали выработанные критерии и методы работы, сформулированные в «Инструкции чинам сыскных отделений» (1910 г.). Благодаря названному документу стало возможным конкретизировать цели их деятельности и способы ее реализации. Особое внимание уделялось законности осуществления негласных расследований; мероприятий, нацеленных на предупреждение, разоблачение, устранение и преследование криминальных деяний. Более детальной и продуманной стала работа сыщиков по организации наружного наблюдения и негласной агентуры.

Организационной новеллой для полицейских учреждений России стало внедрение сыскными отделениями узкой профессиональной специализации служащих. Первоначально личный состав подразделений разделили на 4 основных направления:

«← убийства, разбои, грабежи и поджоги;

– кражи и профессиональные воровские организации (конокрады, карманники, взломщики и т. д.);

– мошенничества, подлоги, обманы, фальшивомонетчики, шулера, аферисты и т. д.;

– «летучий отряд» для постоянного дежурства, обходов, облав» [8, с. 14].

Важной составной частью организационно-разыскных преобразований стало внедрение новой системы регистрации уголовных преступников. Наряду с уже практиковавшимся фотографированием повсеместно стали производить антропометрию и дактилоскопию. Важным учебно-методическим звеном стал музей полиции, учрежденный в 1900 г. в Санкт-Петербурге по инициативе генерал-губернатора Н. В. Клейгельса. Особый интерес представляли фонды уголовно-сыскного отдела. Наряду с 27 альбомами, содержащими фотографии всех наиболее известных рецидивистов, там хранились разнообразные орудия преступления, поступавшие новые сведения о преступниках [9, с. 142].

Названные разработки стали основополагающими для всех сыскных отделений России. Повсеместно вводилась практика формирования базы специализированных регистрационных карт. Каждая из них содержала 120 пунктов, включавших, помимо фотографий и отпечатков пальцев, достаточно подробное описание отличительных особенностей, внешности, привычек рецидивистов. Анализ материалов, заключенных в картах, способствовал более эффективному розыску преступников. Копии новых карт региональные отделения в обязательном порядке направляли в Департамент полиции, и это было очень важно. Со временем регистрационная система совершенствовалась. В частности, силами Центрального регистрационного бюро, созданного распоряжениями МВД от 29 декабря 1906 г. и от 9 апреля 1907 г., практиковавшиеся

преступные «профессии» были классифицированы и сведены к 30 наиболее распространенным криминальным специальностям.

Раскрываемость уголовных преступлений в России начала XX века редко превышала 50 % от регистрируемых дел. Но это соответствовало среднему европейскому уровню и даже превышало его. Недаром на состоявшемся в Швейцарии Международном съезде криминалистов в 1913 г. сыскное отделение Москвы признали лучшим оперативным подразделением в Европе [10, с. 4]. 26 июня того же года был созван отечественный съезд начальников сыскных отделений. На нем с учетом мирового опыта были намечены конкретные мероприятия и важнейшие направления развития борьбы с уголовной преступностью [11].

Подводя итог, следует отметить, что в условиях Первой мировой войны российская экономика не способна была наряду с содержанием армии в достаточной мере финансировать полицию.

Тем не менее деятельность сыскных отделений осуществлялась на высоком уровне. Надо понять и оценить высокую организованность и ответственность личного состава уголовного сыска, продолжавшего работать даже в условиях разваливающейся монархии. Ими руководило убеждение о том, что борьба с преступностью является одной из основных функций любого государства. Но политика бывает временами далека от здравого смысла. Временное правительство ликвидировало полицию. Следствием чего стало разорение архивов и картотек МВД. Жалкие остатки уголовного сыска перешли в Министерство юстиции, где оказались чужеродными элементами. Что же касается их бывших «подопечных», то большинство криминальных элементов вышли на свободу в ходе массовой амнистии. Можно предположить, что названные факторы существенно повлияли на развитие последующих событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXVIII. № 30672.
2. Невский С. А. Создание сыскных отделений в Российской империи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11).
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 11. Д. 1015. Л. 40.
4. Сведения о чинах Нижегородской полиции не ранее 1913 года. Н. Новгород: 1913.
5. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб.: Тип. МВД, 1910.
6. К вопросу комплектования уголовной полиции // Вестник полиции. 1912. № 3.
7. Золин П. М. Преступность в стране в 1909–1922 гг. Сравнительная статистика // Советское государство и право. 1991. № 5.
8. Шинджикашвили Д. Н. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск: ОмВШ МВД СССР, 1973.
9. Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.). Рязань: Узоро-чье, 2001.
10. Кошко А. Ф. Среди убийц и грабителей. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскной полиции. М.: Современник, 1995.
11. Рябенко В. Становление и развитие сыскной полиции в России во второй половине XX–XX вв. URL: <https://magref.ru/stanovlenie-i-razvitie-syisknoy-politsii-v-rossii-vo-vtoroy-poline-xix-xx-vv/> (дата обращения: 29.10.2018).

© Реент Ю. А.

О. Г. КУДРЯВЦЕВА, заместитель начальника кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

O. G. KUDRYAVTSEVA, deputy head of the department of professional training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ЮВЕНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

PREVENTION OF SUICIDES OF MINORS AS ONE OF DIRECTIONS OF JUVENAL POLICY OF THE STATE

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы профилактики суицидов несовершеннолетних, анализируется место, роль, значение и порядок взаимодействия государственных органов и родителей несовершеннолетних (лиц, их заменяющих) в указанном направлении ювенальной политики.

Ключевые слова: несовершеннолетний, право на жизнь, суицид, профилактика суицидов, ювенальные технологии.

Annotation. The article deals with the prevention of juvenile suicide, analyzes the place, role, importance and order of interaction between state bodies and parents of minors (persons replacing them) in the direction of juvenile policy.

Keywords: juvenile, the right to live, suicide, suicide prevention, juvenile technologies.

С точки зрения клинической психологии, суицид представляет собой форму психической и поведенческой активности, имеющей целью добровольное самоуничтожение [1]. В представленном определении особую тревогу вызывает такая детерминанта, как «добровольность самоуничтожения». Попробуем рассмотреть указанный акт в контексте обеспечения прав личности.

Одним из ключевых личных прав человека во все периоды существования человеческого общества было, есть и остается право на жизнь, которое защищается нормами международного и внутригосударственного права. Впервые это право было провозглашено в качестве естественного права в Декларации независимости США 4 июля 1776 года. В нашем государстве указан-

ное право нашло отражение в ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации.

Первичным условием нормального функционирования государства является относительное благополучие отдельной личности, то есть такое состояние защищенности ее прав и свобод, при котором человек ощущает себя полноценной частью социума, видит смысл своего существования и возможность самореализации. Если же индивидом в качестве единственно возможного выхода из складывающейся ситуации рассматривается суицид, то вполне логично возникает вопрос эффективности государственной политики по обеспечению права на жизнь.

Согласно имеющимся данным официальной статистики ежегодно число суицидов колеблется в районе

1 100 000 человек, а число попыток достигает 19 000 000 [2]. Россия начиная с 2003 года является лидером по числу суицидов среди детей и подростков (первое место в Европе) [3].

Безусловно, рассматриваемая проблема не осталась без внимания международного сообщества. В мае 2013 года на 66 сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения был утвержден первый в истории План действий в области психического здоровья Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), в котором предотвращение самоубийств обозначено в качестве неотъемлемой составляющей, поставлена цель – снизить к 2020 году частоту самоубийств в странах на 10 % [4].

Представляется, что наиболее полное определение понятия суицида, причин, его провоцирующих, а также признание самоубийства в качестве одной из основных проблем общественного здравоохранения приводится в докладе о состоянии здравоохранения в мире в 2001 году «Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда» [5]. Однако признание проблемы – это лишь первый шаг на пути ее разрешения.

В настоящее время стереотипное восприятие суицида как акта, на который способны лица, страдающие различными психическими заболеваниями (шизофрения, паранойя и др.), отошло на второй план, так как согласно данным статистики большинство суицидов (и попыток суицида) были совершены психически здоровыми людьми, отдающими отчет своим действиям, предполагающими наступление определенных последствий и желающими их наступления. Таким образом, можно констатировать: в группу риска входит каждый индивид, вне зависимости от пола, возраста, вероисповедания, состояния физического и психического здоровья, социального статуса и финансового положения. Это обуславливает необходимость выработки определенной

стратегии государственной политики в вопросах профилактики самоубийств.

Ювенальная государственная политика, направленная на предупреждение суицидов в подростковой среде, может стать эффективной формой достижения положительного результата в рассматриваемых вопросах. Представляется, что в данном направлении ключевым аспектом внедрения соответствующих ювенальных технологий должны выступать формы и методы равноправного взаимодействия государственных органов, общественных организаций и лиц, осуществляющих непосредственные воспитательные функции в отношении несовершеннолетних (родителей, лиц, их заменяющих, педагогов основного и дополнительного образования и т. п.). Достижение подобного рода равноправия должно достигаться путем внесения соответствующих законодательных изменений, а также создания и реализации различных превентивных проектов по типу Дорожной карты профилактики суицида [6].

Основным приоритетом в рассматриваемом направлении профилактической деятельности должно стать качественное и всестороннее изучение причин, влияющих на выбор суицида подростков в качестве основного способа разрешения возникающих проблем. При этом все имеющиеся программы, разрабатываемые как на государственном, так и на местном уровнях, в качестве основного направления деятельности по профилактике суицидов предусматривают пропагандистские мероприятия, коллективные и индивидуальные беседы. Однако в ходе работы по изучению избранной проблемы были получены результаты, позволяющие усомниться в эффективности данной формы профилактической деятельности. Так, в результате проведенного анкетирования подростков удалось выявить интересные закономерности:

1. Мысль о суициде как наиболее оптимальной форме разрешения про-

блем допускают в среднем 33 % опрошенных. При этом юноши в этом массиве составляют значительную часть.

2. Отрицательно относятся к самоубийству 98 % опрошенных (т. е. отрицательное отношение к суициду было высказано даже теми подростками, которые считают самоубийство оптимальной формой разрешения проблем).

3. В качестве причин, которые могут заставить подростков (не конкретно отвечающего, а в целом данную категорию лиц) решиться на самоубийство, были обозначены (предлагалось написать варианты самостоятельно, по количеству вариантов ограничений не ставилось):

– на первом месте проблемы с личной жизнью (одиночество, безответная любовь, предательство и т. п.) – 75 % респондентов;

– на втором месте проблемы с пониманием в семье – 64 % (конкретно обозначалось в основном следующее: а) страх наказания за совершенный поступок; б) конфликты с родителями по поводу образа жизни, внешнего вида, круга общения и т. п.; в) невозможность откровенного разговора с родителями по ключевым вопросам и т. п.);

– на третьем месте расположились различные частные случаи – 35 % (в частности, смерть близких людей, страх перед экзаменами (ЕГЭ), минутная слабость, вызванная неудачами, к примеру: проигрыш на соревновании, плохие оценки, травля в коллективе, а также неприятие собственной внешности и т. п.).

4. Наиболее эффективными мерами профилактики суицидов среди несовершеннолетних опрошенные называли (можно было предложить несколько вариантов):

– установление доверительных отношений с родителями – 95 %;

– создание условий для занятости несовершеннолетних путем предоставления возможности посещения каких-либо дополнительных занятий

(спорт, фитнес, музыка, танцы, языки и т. п.) – 72 %;

– предоставление несовершеннолетнему возможности работать и зарабатывать на собственные нужды – 67 %;

– организация интересного досуга, прежде всего в кругу семьи (совместные поездки в другие города, посещение спектаклей, спортивных и иных зрелищных мероприятий и т. п.) – 42 %;

– социальная реклама, обозначающая проблемы суицида (прежде всего размещенная в социальных сетях) – 15 %.

5. В качестве самой бессмысленной формы профилактики суицидов среди подростков были обозначены классные часы и иные мероприятия воспитательного характера, проводимые в школах – 98 % респондентов.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о практически полном несовпадении имеющихся программ профилактики суицидов фактическим ожиданиям целевой аудитории. Безусловно, это ни в коей мере не свидетельствует о необходимости полного отказа от профилактических бесед, в том числе проводимых в формате классных часов. Однако при разработке превентивных мероприятий не учитывать отношение объекта профилактического воздействия было бы не вполне оправданным.

Изучение обстоятельств, способствовавших (повлекших) совершению подростком суицида (как доведенного, так и не доведенного до конца), позволяет констатировать, что основным фактором выступают личные переживания и неразрешимые проблемы, которые с позиции взрослого человека вызваны совершенно ничтожными, не заслуживающими особого внимания причинами. Вместе с тем несовершеннолетним, с учетом его психоэмоционального состояния и уровня мировосприятия, указанные факторы воспринимаются как критические. К числу ведущих в классификации психотравмирующих

ситуаций предлагается отнести стрессообразующие факторы, порожденные социальной жизнью подростка, и проблемы, возникающие в детских коллективах, а именно: дезадаптация, неуспешность в учебе, отвержение подростка в классе (кружке, секции и т. п.), конфликт с учителями, тренерами, несоответствие результатам ожиданиям, гормональная перестройка организма и, как следствие, критическое отношение к собственной внешности и т. п. Своевременное выявление и минимизация их негативного воздействия на психику – вот что должно стать главной задачей в профилактике суицидов.

В алгоритме работы с подростком в рассматриваемом направлении представляется возможным выделить следующие ключевые составляющие: проведение мероприятий по осознанию несовершеннолетним собственной значимости как личности; уточнение и закрепление ценностно-смысловых ориентаций несовершеннолетнего; развитие уверенности в себе, формирование активной жизненной позиции, в том числе путем формирования позиции личной ответственности за последствия, вызываемые принятием решения; коммуникативные тренинги взаимодействия с окружающими.

Ведущую роль в профилактике суицидального поведения и настроения подростков следует отводить родителям (лицам, их заменяющим). Именно от них хотят получить внимание несовершеннолетние, от их чуткого и доверительного общения, способности понять и предложить выход из сложных ситуаций, позитивного примера зависит качество жизни подростков.

Кроме того, не стоит умалять роли в рассматриваемом профилактическом процессе педагогов основного образования, педагогов-психологов, социальных педагогов, педагогов дополнительного образования (в том числе тренеров и инструкторов), сотрудников подразделений по делам несовершенно-

летних органов внутренних дел, сотрудников комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав различного уровня, уполномоченных по правам ребенка и др., которые в пределах своей компетенции могут разрабатывать и осуществлять разнообразные превентивные мероприятия, направленные на своевременное выявление психотравмирующих факторов, которые могут стать причиной суицида, а также на возможное замещение выявленных факторов позитивными установками [7, 8].

Полагаем, важное значение в процессе профилактики суицидов среди несовершеннолетних в Российской Федерации имеет Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства», провозгласивший 2018–2027 годы в Российской Федерации особым временем, в котором основное внимание государства и общества должно быть направлено на проблемы, возникающие у этой социальной группы.

Безусловно, в разработанном плане основных мероприятий до 2020 г. нашлось место и для превенции суицидов, среди которых следует особо отметить:

- создание мер, направленных на обеспечение предотвращения суицидов и всех форм насилия в отношении рассматриваемой категории;

- создание службы оперативного реагирования с включением в нее кризисных психологов, юристов, специалистов в области компьютерных технологий для немедленного реагирования на сообщения о фактах вовлечения детей в группы, пропагандирующие суициды или различные формы противоправного поведения, наносящие вред их психическому и физическому здоровью;

- выведение детей из таких групп; блокирование сайтов, где содержатся призывы к суицидам, с выведением из строя технических средств администратора группы, сообщества;

– разработка обучающей программы для педагогов, психологов, иных специалистов, работающих с детьми, направленной на выявление и предотвращение суицидов детей, других форм деструктивного поведения;

– организация широкомасштабной работы с родителями в образовательных организациях с целью разъяснения им особенностей психического развития несовершеннолетних, методов

общения с детьми, а также способов распознавания вступления ребенка в сообщества, группы, где происходит манипуляция сознанием, последствием которой является их самоубийство, и многое другое [9].

Указанные направления, безусловно, являются приоритетными в области ювенальной политики Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств / под ред. Д. Вассермана. М.: Смысл, 2005.
2. URL: https://rgdn.info/samoubiystva_detey_i_podroستkov_prichiny_tragedii_k_to_ili_chto_za_etim_stoit (дата обращения: 13.10.2018).
3. URL: <http://doctorhiller.com/materials/394-samoubiystva-sredi-nesovershennoletnih/>; <https://lenta.ru/articles/2014/11/10/death/> (дата обращения: 13.10.2018).
4. Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2020 гг. Женева: Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://programma.x-pdf.ru/16meditsina/136729-1-vsemirnaya-organizaciya-zdravoohraneniya-shestdesyat-shestaya-sessiya-vsemirnoy-assamblei-zdravoohraneniya-zheneva-20-27-maya.php> (дата обращения: 13.10.2018).
5. URL: <http://www.who.int/publications/list/whr01/ru/> (дата обращения: 13.10.2018).
6. URL: https://минобрнауки.рф/департаменты/384/файл_/8472/Сборник%20памяток%20суициды.pdf; <https://infourok.ru/programma-po-profilaktike-suicida-sredi-detey-i-podroستkov-1522978.html>; <https://infourok.ru/metodicheskaya-razrabotka-na-temu-dorozhnaya-karta-profilaktika-suicidalnogo-povedeniya-sredi-obuchayus-chih-sya-obrazovatelnoy-or-2559301.html> (дата обращения: 13.10.2018).
7. Кудрявцева О. Г. Профилактика суицидальных настроений подростков как одно из приоритетных направлений реализации ювенальной политики государства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 4 (78).
8. Кудрявцев А. В., Кудрявцева О. Г. Ювенальные технологии в современной России // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2013. № 2 (18).
9. URL: <http://дети-петербург.рф/Storage/Files/2324/вариант%2025%2007%2017%20проекта%20плана%2010%20лет%20детства%20.pdf> (дата обращения: 13.10.2018).

© Кудрявцева О. Г.

УДК 929 (575.4) "19"

В. К. САМИГУЛЛИН, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

V. K. SAMIGULLIN, professor of the department of constitutional law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of law, professor (Ufa)

МУСТАФА ЧОКАЙ-БЕЙ – СОВЕСТЬ ВОСТОКА

MUSTAFA CHOKAI-BEYE – CONSCIENCE OF THE EAST

***Аннотация.** В статье рассказывается о забытой в нашей истории личности – Мустафе Чокай-бее (1890–1941), который, несмотря на все препятствия и сложности, получил прекрасное воспитание и образование и в различных социальных условиях отстаивал права народов Туркестана. Он был сторонником образования Туркестанской Федерации (Конфедерации). На Всетуркестанском конгрессе всех политических сил (партий и движений) Туркестана (Коканд, 22 ноября 1917 г.) было объявлено о создании Кокандской автономии, и Мустафа Чокай-бей был избран президентом этого автономного образования.*

Оказавшись в эмиграции, Мустафа Чокай-бей занимался научно-исследовательской, просветительской и публицистической деятельностью. Во всех этих сферах увлечения Мустафы Чокай-бея важное место занимает деятельность, направленная на защиту прав и интересов коренных народов Центральной Азии. В свое время Мустафа Чокай-бей был очень популярной личностью. Однако отношение к его личности и его деятельности по настоящее время оценивается неоднозначно.

***Ключевые слова:** Мустафа Чокай-бей, Туркестан, Ак-Мечеть, президент, Париж, просветитель, Компьен, пределы, правда.*

***Annotation.** The article tells about the personality trapped in our history – Mustafa Chokai-bey (1890–1941), who, despite all the obstacles and difficulties, received an excellent upbringing and education and defended the rights of the peoples of Turkestan in various social conditions. He was a supporter of the formation of the Turkestan Federation (Confederation). At the All-Turkestan congress of all political forces (parties and movements) of Turkestan (Kokand, November 22, 1917), the establishment of the Kokand autonomy was announced, and Mustafa Chokay-bey was elected president of this autonomous entity.*

Once in exile, Mustafa Chokai Bey was engaged in research, education and journalistic activities. In all these areas of Mustafa Chokay-Bey's passion, an important place is occupied by human rights activities aimed at protecting the rights and interests of the indigenous peoples of Central Asia. At one time, Mustafa Chokai Bey was a very popular person. However, the attitude to his personality and to his activities is currently not clearly characterized.

***Keywords:** Mustafa Chokay-Bey, Turkestan, Ak-Mosque, President, Paris, Enlightener, Compiegne, limits, true.*

Популярен афоризм «Восток – дело тонкое». Хотя «Ex Oriente Lux!»

(«Свет идет с Востока!»), для многих Восток все еще нечто темное. Известно,

где тонко, там рвется, а где темно – можно заблудиться. Восток – это не только часть света. У каждой страны есть свой Восток. И когда чрезмерно увлеченный Западом вдруг обращается к Востоку, то он может обнаружить удивительные вещи. Его ждут открытия в том смысле, что в пантеоне мыслителей и ученых могут появиться совершенно новые имена, чья жизнь, деятельность, творчество достойны внимания и анализа более взвешенного, чем когда-то в прошлом.

На рубеже 1990–1991 гг., когда перестройка в СССР была в самом разгаре, тюрки (турки, туркестанцы) Афганистана, Ирана, Китая, Монголии, Турции, стран Арабского Востока, Европы и Азии широко отметили 100-летие со дня рождения и 50-летие со дня смерти Мустафы Чокай-бея, назвав его вождем национальной борьбы Туркестана.

Об этом человеке мы знаем немного. Это в какой-то мере объяснимо, потому что долгое время его труды в нашем отечестве не публиковались. На его имя было наложено табу. В этих условиях тот, кто обращался к вопросам, рассматриваемым Мустафой Чокай-беем, сильно рисковал. Такого человека власть предрержащие с легкостью могли отнести к недоброжелателям, противникам сложившегося политического режима, социальная природа которого все еще до конца не выяснена. И сегодня опасно. Но чего же стоит мыслитель и ученый, если он не стремится к свету, истине, добру и справедливости. Руководствуясь этой идеей, не без известной боязни, я решился по мере возможности объективнее рассмотреть, кто же он, этот самый Мустафа Чокай-бей, что он исповедовал, за что его любили и ненавидели.

Мустафа родился в городе Ак-Мечеть (Кзыл-Орда) 7 января 1890 года. Его отец Чокай-бей (Шокай-бек) и дед Тургай Даткаха (Торгай – датхан) представляли известный в тюркской среде клан торайгыров из кипчакского рода.

Считается, что по материнской линии он был выходцем из династии казахских ханов Хивы.

Начальное образование Мустафа получил на родном языке у себя дома, в ауле. Среднее – в русской гимназии в Ташкенте, которую окончил вместе Александром Керенским, русским политическим деятелем. Причем с наградой первой степени. Преодолев определенные сложности, он отправился в Петербург, где поступил на юридический факультет столичного университета, обучение в котором завершил с отличием.

Во время турецко-балканской войны 1912 года Мустафа Чокай-бей принимал деятельное участие в движении, приняв сторону братьев по крови. Определенную известность он приобрел, сотрудничая с Мусульманской фракцией, образованной в Государственной Думе депутатами российских территорий, в которых тюркское население было значительным. В Учредительном собрании Мустафа Чокай-бей возглавлял комиссию представителей по защите прав народов Туркестана.

Как известно, в феврале 1917 года (по новому стилю в марте) состоялось буржуазно-демократическая революция, приведшая к падению самодержавия династии Романовых в России и формированию Временного правительства. Рассказывают, что А. Ф. Керенский, став главой этого правительства, предложил Мустафе Чокай-бею портфель министра, но Мустафа не согласился. Это похоже на правду, если учесть то, что интересы Мустафы Чокай-бея не совсем совпадали с взглядами и намерениями А. Ф. Керенского. Мустафу Чокай-бея сильно занимала идея об автономии Туркестана в составе единой Туркестанской Федерации (Конфедерации).

В Коканде 22 ноября 1917 года состоялся Всетуркестанский конгресс всех политических сил (партий и движений) Туркестана, на котором было объявлено о создании Кокандской авто-

номии. Ее первым президентом был избран Мустафа Чокай-бей. В принятых документах отстаивались идеи и принципы о политической, национальной, культурной, демократической самостоятельности. Отношения с Россией предполагалось строить на началах равенства и взаимного уважения, учитывая настоящие интересы сторон. В декабре 1917 года в Оренбурге было образовано казахское правительство во главе с лидером национальной партии «Алаш-Орда» Алиханом Букейхановым.

Однако в соответствии с решением Совета народных комиссаров, образованного в Ташкенте 16 ноября 1917 г., в начале января 1918 года Кокандская автономия была разгромлена совместными усилиями красновардейцев Ташкентского гарнизона, милиции, отрядов вооруженных рабочих, красных казаков. Вскоре была разгромлена и Казахская автономия под эгидой «Алаш-Орды». Мустафа Чокай-бей бежал. Вначале он примкнул к басмачам (с тюрк. «басмак» – налетчик), а затем перебрался в Грузию. В 1920 году Мустафа Чокай-бей уехал в Турцию. Оттуда он переехал в Германию, в Берлин, затем – во Францию, где обосновался в пригороде Парижа.

С той поры в течение 20 лет Мустафа Чокай-бей занимается научно-исследовательской, просветительской и публицистической деятельностью. Во всех этих сферах важное место занимает, говоря сегодняшней терминологией, правозащитная деятельность, направленная на защиту прав и интересов коренных народов Центральной Азии: казахов, кара-калпаков, киргизов, таджиков, туркмен, узбеков и др. Не оставался безразличным и к случаям нарушений прав конкретных людей, кем бы они не были по своему этническому происхождению. Во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. в одном из нацистских лагерей военнопленных он спас от расстрела несколько десятков молодых грузин, принятых немцами за евреев и

осужденных на расстрел. Рискнув своей жизнью, Мустафа Чокай-бей задержал исполнение приговора, объяснив ужасную ошибку [1, с. 135].

За пределами России Мустафа Чокай-бей стал весьма популярной личностью как просветитель, пропагандист истории и культуры народов Средней Азии и Казахстана. Он успешно сотрудничал со многими изданиями, имел обширные связи среди представителей западной интеллигенции и в эмигрантских кругах. Этому во многом способствовало то, что Мустафа Чокай-бей, по свидетельству современников, был полиглотом. Он прекрасно владел не только русским языком и языками многих тюркских народов, а еще фарси, английским, немецким, французским, арабским языками.

В день, когда Гитлер – фюрер германских национал-социалистов – напал на Союз ССР (как известно, это случилось 22 июня 1941 года), Мустафа Чокай-бей был внезапно арестован. Его вместе со всеми русскими эмигрантами, находившимися тогда во Франции, водворили в концлагерь Компьен под Парижем. Там он пробыл две недели. Его освободили также внезапно, как и арестовали. Вероятно, национал-социалисты хотели использовать его в своих интересах.

Карис-бей, оказавшийся в августе 1941 года в плену и помещенный в концлагерь в городе Сувалки, пишет, что Мустафа Чокай-бей поспособствовал переводу его в другой лагерь, где находилось несколько тысяч туркестанцев. По его словам, Мустафа Чокай-бей, обращаясь к находящимся в лагере пленникам, сказал следующее.

«Мои дорогие соотечественники!

Сердце мое обливается кровью, глядя на вас. Неужели вы заслужили, чтобы вас держали за колючей проволокой? Нет! Да видит Аллах, свободолюбивым сынам Туркестана место в беспредельных степях нашей родины. И верю, что Он поможет нам освободить-

ся из немецкого плена и зажить мирным и честным трудом у себя дома. И для этого нам необходимо сплотиться в одну тесную семью и быть друг другу братьями в полном смысле этого слова.

Самой насущной заботой моей будет устроить вас на разные специальные работы, чтобы каждому из вас приобрести специальность, нужную для строительства нашей будущей родины – Туркестана!» [1, с. 132–133].

Мечты сбываются и не сбываются. Мустафа Чокай-бею не удалось убедить ни в первом, ни во втором, так как он умер в Берлине 27 декабря 1941 г. Об обстоятельствах ухода его в иной мир много неясного. Ануар Алимжанов склоняется к тому, что Мустафа Чокай-бей был убит нацистами за отказ сотрудничать с ними [1, с. 156]. Едва ли кто сможет дать однозначный окончательный ответ, не подлежащий сомнению и никакой отмене никем и никогда, если не изучить должным образом материалы фактического характера.

Что понимал Мустафа Чокай-бей под Туркестаном? По его мнению, это обширная территория, образованная после государства эфтаминов (между 563–567 гг.) турками, была прозвана Туркестаном в VI веке иранцами. Территория новообразованной империи простиралась от границ Китая до границ Персии и Византии, к северу от служившей тогда границей между нею и сассанидской монархии реки Аму-Дарья до пределов Китая, доходя на востоке до Инда. Западная граница заходила за реку Урал, который еще Птолемию был известен под название Даике (Джик или Яик). Он правильно отмечает, что эта река стала именоваться Уралом лишь с 1775 года, когда Екатерина II, желая наказать яицких казаков за их участие в пугачевском движении, переименовала их в уральских казаков с повелением одновременно и реке называться впредь Уралом.

Мустафа Чокай-бей писал, что в древности Туркестан был ареной величайших исторических событий. С ним

связаны воспоминания о таких древних государствах, как Бактрия, Трансоксания, Согдиана, Парфия. Через Туркестан совершались великие переселения народов. Он считает установленным турецкое (тюркское) происхождение гуннов, которые двигались с Востока на Запад. Кир, Ксеркс, Александр Великий, Чингис-хан, Тамерлан (Тимур), Надиршах – всем этим историческим личностям Туркестан был не только известен, но и являлся ареной их деятельности.

Интересно то, что Мустафа Чокай-бей различает политические и этнографические пределы Туркестана. В политическом отношении границы Туркестана менялись с изменениями политических условий. Политическая история Туркестана – это история подъемов и упадков, единства и распрей. Туркестан завоевывался китайцами, арабами, монголами. Со второй половины XIX века он становится достоянием России. Политические и этнографические границы Туркестана не совпадают. В этнографическом отношении Туркестан Мустафа Чокай-бей делит на три неравные части, входящие в состав трех государств: а) Восточный Туркестан (Синьзянь) в составе Китая; б) Западный Туркестан – России (СССР); Южный Туркестан («Чахар вилайет», распадающийся на четыре провинции – Баданшан, Большой и Малый Маймене и Анахой) – Афганистана.

По его убеждениям, коренное население Туркестана состоит из двух численно неравных частей – турок и таджиков. Соотношение между ними 15:1. Первых в Европе знают по их кличкам – «казак(х)», «кара-калпак», «киргиз», «туркмен», «узбек». Все они говорят на одном общем языке, распространенном от Северного-Ледовитого до Адриатического моря, – турецком. Таджики – по крови и языку иранского происхождения. Но турки и таджики, живя бок о бок много сотен лет, в культурном и экономическом отношении переплелись столь сильно, что могут

рассматриваться как одно целое, нигде не противопоставляя друг другу. Любопытно, Хади Мифтахутдинович Атласи [Хади Атласи (1876–1938)] пишет: «... Скифией ученые Греции называли места расселения тюрков, т. е. Туркестан, носивший у иранцев название Туран. Иначе говоря, Туран, Туркестан и Скифия – разные названия одного и того же края». По его мнению, «народы, известные в Европе под названием скифы, сарматы, гунны, авары, половцы, татары, – выходцы из предместий Алтая и озера Ыссык, все дети тюрков, расселившихся на обширной территории» [2, с. 13–14].

Туркестан – это не только политика, где мир и война чередуются, а еще и высокая культура, в которой велико значение мусульманского компонента суннитского толка. Мустафа Чокай-бей с гордостью называет имена тех мыслителей и ученых [Аль-Хорезми Мухаммед бен Муса (ок. 780–ок. 850), Ибн-Сина Абу-Али (Авиценна) (980–1037), Улуг-бек (?), Бурхан-эд-Дин Маргинани (XII в.), Султан Бабер (Бабура (?)) и др.], чья деятельность самым лучшим образом сказалась на развитии европейской интеллектуальной мысли.

В творчестве Мустафы Чокай-бея вопрос о колонизации и деколонизации Туркестана занимает одно из центральных мест. Он приводит высказывание обычного туркестанца, «бедняка-мусульманина», оглашенное 5 июня 1919 г. на заседании Третьего краевого съезда Коммунистической партии Туркестана в Ташкенте: «Мы, бедные мусульмане, как находились при Николае Кровавом скотиною, так находимся и теперь при нынешнем пролетарском правительстве. И даже хуже, хотя не сопротивлялись советской власти ...» [1, с. 25–26].

Тревожный факт, который не могли оставить без внимания ни националисты, ни социалисты, ни коммунисты, ни либералы, ни демократы – никто, кто не был равнодушен, а озабочен нормальным развитием людей, несмотря на

жизнь в разных условиях. Искренне стремясь дать правдивую картину о ситуации в Туркестане в разные исторические периоды, Мустафа Чокай-бей приводит факты, свидетельствующие о том, что действительно в крае в период Имперской России в области индустриальной и аграрной политики, культуры и образования, межнациональных отношений было неблагополучно. Вместе с тем он обращает внимание и на то, что за первые два десятилетия Советской власти в крае ситуация в этих областях не только не изменилась в лучшую сторону, а кое в чем, ухудшившись, даже еще и обострилась. В частности, он указывает на то, что в Туркестане все еще не изжит великодержавный шовинизм, который принимает порой скрытые формы, что здесь идея о национальном самоопределении народов вплоть до отделения реализуется непоследовательно.

Оперируя цифрами, он показывает, что тюрки-мусульмане в массе своей остаются неграмотными или малограмотными; рабочая и партийная прослойка среди них незначительная; население коренных народов не вовлечено в должной мере к осуществлению местного самоуправления. Его сильно беспокоит распространение пьянства – порока, к которому мусульманская часть Туркестана раньше была не приобщена; тревожат факты хищений народного достояния, насилия, особенно над женщинами.

Вроде бы ничего, что расходилось бы с действительностью, проза жизни, все – Правда. За Правду одни любили его. Другие за нее же его ненавидели.

Мустафа Чокай-бей для одних – гуманист, демократ, человек энциклопедических знаний, исследователь основ культурных связей народов, в частности, народов Туркестана, Кавказа и Украины. Вот как характеризовал Мустафу Чокай-бея профессор А. Шульгин: «Мустафа Бей был большим государственным деятелем, выдающимся писателем и

журналистом, но он был, прежде всего, человеком, интересной, оригинальной личностью. Мустафу Бея без Туркестана невозможно мыслить, настолько в каждом его слове и жесте чувствовался Туркестан. Да и сердцем своим он не мог ни на минуту забыть свою родину, ее прошлое и нерадостное настоящее. Но, оставаясь верным своим традициям, он имел в себе все то ценное, человеческое, что может и должно связывать между собой людей самых разных и, казалось бы, непонятных друг другу народов. Высокая гуманность, доброта сердца, верность дружбе, верность раз данному слову – вот черты, которыми характеризовали Мустафу Бея. Но кроме этой чисто моральной его сущности в нем было еще редкое умение проникать в самые основы человеческой культуры. Туркестанец до мозга костей, он великолепно понимал русскую жизнь, среди которой получил образование. Он отлично разбирался в Европейских отношениях и поражал не меня одного меткостью своих суждений. Этот Туркестанец – был одновременно высоко образованным Европейцем» [1, с. 133].

Доктор Тахир Чагатай пишет: «Когда однажды спросили одного европейца, друга Туркестана, почему он так любил Мустафу Чокая, он ответил: “Потому что Мустафа Чокай является такой личностью, которая в единственном числе может представить эту огромную страну. Идея и любовь Туркестана нашли в себе в его лице свое

выражение, в полном смысле этого слова” – и этим ответом она нарисовал самый полный портрет» [1, с. 129, 152].

Для других же Мустафа Чокай-бей – «пантюкист», «враг народа», «турецкий шпион», «агент мировой буржуазии».

Кто же прав?

Тюркский мир не менее велик, чем Русский мир. Причем эти два огромных мира не только соседствуют, а еще взаимодействуют, пересекаясь и дополняя друг друга. Еще в далекой древности среди тюркских народов было принято различать внутренних и внешних тюрков. Эта классификация актуальна также и для современных башкир, казахов, татар и для других тюркских и даже нетюркских народов. Чтобы преодолеть односторонность в оценках и выводах, точнее определиться в поставленном вопросе, надо бы основательнее изучить жизнь, деятельность, творчество Мустафы Чокай-бея, опираясь на его публикации, которые стали доступными для изучения благодаря гласности, демократии и другим позитивным составляющим социального развития постсоветского периода и современности.

Эта статья – лишь шаг в этом направлении, который, надеюсь, будет полезен нашему современнику, во многом дезориентированному и (кажется, сам того не замечая) теряющему понимание смысла жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чокай-оглы Мустафа. Туркестан под властью Советов: статьи, воспоминания. Алма-Ата: «Айкап», 1993.
2. Атласов Х. М. История Сибири / пер. А. И. Бадюгиной. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.

© Самигуллин В. К.

УДК 33.338.2

А. З. ХАРИСОВА, доцент кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат экономических наук (г. Уфа)

A. Z. KHARISOVA, associate professor of the department of management in internal affairs of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of economic sciences (Ufa)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ECONOMIC GROWTH OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR IN ENSURING NATIONAL SECURITY

***Аннотация.** Одним из направлений обеспечения национальной безопасности является определение стратегии экономического развития. В статье представлены три варианта прогноза, на основании которых возможно развитие той или иной экономической стратегии. Рассматриваются основные направления экономического развития Российской Федерации в 2018–2020 годах.*

***Ключевые слова:** экономический рост, национальная безопасность, стратегия, варианты прогноза.*

***Annotation.** One of the areas of national security is the definition of an economic development strategy. The article presents three versions of the forecast on the basis of which the development of a particular strategy is possible. The main strategies of economic development of the Russian Federation in 2018–2020 are considered.*

***Keywords:** economic growth, national security, strategy, forecast options.*

Стабильное экономическое развитие страны обеспечивает национальную безопасность. Сегодня для реализации намеченных стратегических целей необходимы смена экономической модели развития и переход экономики на инвестиционную модель. Данная модель предполагает разработку стратегии, направленной на обеспечение инвестиционной ориентации экономики;

повышение инвестиционной активности средств частного капитала с целью обеспечения роста инвестиций на уровне 7–9 % к концу 2020 г.; рост инвестиций в инновационные секторы экономики, влияющие на повышение качества и эффективности человеческого капитала [1]. Некоторые макроэкономические показатели развития Российской Федерации приведены в таблице 1.

НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРОГНОЗА [2]

Стратегия по прогнозу	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
	Отчет		Прогноз		
Индекс потребительских цен на конец года, в % к декабрю					
Оптимистичный	5,4	3,2	4,0	4,0	4,0
Основной	5,4	3,2	4,0	4,0	4,0
Пессимистичный	5,4	3,2	4,3	4,0	4,0
Валовой внутренний продукт, %					
Оптимистичный	-0,2	2,1	2,1	2,2	2,3
Основной	-0,2	2,1	2,2	2,6	3,1
Пессимистичный	-0,2	2,1	0,8	0,9	1,5
Реальные располагаемые доходы населения, %					
Оптимистичный	-5,1	1,3	2,3	1,1	1,2
Основной	-5,1	1,3	2,4	1,4	1,7
Пессимистичный	-5,1	1,3	1,4	0,2	0,6
Реальная заработная плата, %					
Оптимистичный	0,8	3,2	4,1	1,3	1,5
Основной	0,8	3,2	4,2	1,5	2,0
Пессимистичный	0,8	3,2	3,2	0,2	0,8

Оптимистичный (базовый) вариант предполагает, что отрицательные показатели демографической ситуации, такие как старение населения и увеличение доли населения выше трудоспособного возраста, будут оказывать влияние на замедление экономического роста.

По прогнозу наибольший рост реальной заработной платы ожидается в 2018 г. (4,1 % – по базовому варианту) с последующим его замедлением (до 1,3–1,5 % в 2019–2020 гг.). Рост реальных заработных плат и оптимальные условия для потребительского кредитования

будут оказывать поддержку потребительскому спросу, что приведет к уверенному росту в течение всего периода.

Неблагоприятные демографические показатели, с одной стороны, и восстановление экономической активности – с другой, будут оказывать влияние на рынок труда. Также это повлечет снижение естественного уровня безработицы (до уровня 4,5–4,7 % к 2020 г.) как за счет изменения возрастной структуры населения, так и за счет сокращения времени поиска работы (по мере более широкого распространения и

активного использования Интернет-технологий в данной области). Таким образом, давление на заработные платы будет ограниченным.

Вместе с тем в базовом сценарии прогнозируется, что в среднесрочном периоде заработные платы в частном секторе будут расти темпами, близкими к росту производительности труда. Так, не ожидается сильного давления на инфляцию. В этих условиях прогнозируется ее нахождение вблизи целевого уровня 4 % на протяжении всего прогнозного периода.

В условиях улучшения демографической обстановки проводимая на рынке труда политика вовлечения в трудовую деятельность категорий граждан, испытывающих трудности при трудоустройстве, позволит частично сохранить трудовые ресурсы. Таким образом, численность рабочей силы к 2020 г. сократится на 801 тыс. человек по сравнению с 2016 г. при сокращении численности населения трудоспособного возраста на 2 827 тыс. человек. В результате численность занятых в экономике будет примерно на уровне 72,1 млн человек.

Благодаря более высоким темпам роста экономики в целевом варианте темпы роста реальной заработной платы работников организаций в 2018–2020 гг. будут выше, чем в базовом в среднем на 0,2 пп., а в целом за 3 года рост составит 7,8 %, что в свою очередь положительно повлияет на рост реальных доходов, который будет более интенсивным (увеличение за 2018–2020 гг. на 5,6 %), стимулируя потребительский спрос.оборот розничной торговли будет расти ежегодно более чем на 3 %, а в целом за 2018–2020 гг. увеличится на 9,7 % [3].

Основной вариант прогноза предполагает, что разработка и реализация мер экономической политики в

области увеличения инвестиционной активности позволит росту инвестиций в основной капитал ускориться в среднем до 7 % в год на среднесрочном периоде. Предполагается более активное восстановление интереса бизнеса к инвестированию [4].

Пессимистичный вариант является самым нежелательным сценарием развития экономической ситуации. В последнем прогнозном варианте по причине более слабого курса рубля темп прироста объема импорта ожидается на нулевом уровне в течение всего среднесрочного периода. Отрицательные темпы роста будут характерны для импорта продовольственных товаров (в среднем 97,4 % в год), а также машин, оборудования и транспортных средств (в среднем 99,6 % в год). Все основные макроэкономические показатели дают меньшую динамику развития.

Тем не менее при любом прогнозе предполагается, что основными направлениями стратегической государственной политики экономического развития для обеспечения национальной безопасности будут:

- обеспечение стабильного роста реального сектора экономики;
- совершенствование механизмов урегулирования внутренней и внешней миграции;
- усовершенствование механизмов стимулирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала;
- определение полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, усовершенствование их финансового обеспечения и организация эффективного исполнения данных полномочий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горохова С. С. Безопасность как правовая категория // Современный юрист. 2016. № 4 (17).
2. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. URL http://www.bigpowernews.ru/photos/0/0_y2FnJYU3jPDXUBwVK1DK7EEX3uwoRwDr.pdf (дата обращения: 12.10.2018).
3. Некоторые аспекты экономического развития Российской Федерации / А. З. Харисова [и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 3. № 1.
4. Харисова А. З. Повышение конкурентоспособности страны через решение проблем образования // Вестник экономики и менеджмента. 2017. № 4.

© Харисова А. З.

УДК 343.232

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ

К. А. СЫЧ, профессор кафедры уголовного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань)

K. A. SYCH, professor of criminal law department Academy of the Federal penitentiary service of Russia, doctor of law, professor (Ryazan)

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРОСТУПОК И МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ЗА ЕГО СОВЕРШЕНИЕ

CRIMINAL MISCONDUCT AND PENALTIES FOR COMMITTING IT

Аннотация. В статье рассматривается понятие уголовного проступка в российской уголовно-правовой науке и в зарубежном праве, а также перспективы данного института права в реформировании уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовный проступок, категории преступлений, уголовная ответственность, наказание.

Annotation. The article discusses the concept of criminal misconduct in Russian criminal law and foreign law, as well as the prospects of this institution of law in reforming criminal law.

Keywords: criminal misconduct, categories of crimes, criminal liability, punishment.

Проблема уголовного проступка в отечественной юридической науке не является новой. Еще в русском дореволюционном уголовном законодательстве проступок рассматривался как усто-

явшийся институт права, наряду, естественно, с институтом преступления. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. достаточно полно использовало категорию «уго-

ловный проступок». Отмеченная традиция сохранялась в русском уголовном праве вплоть до известных событий 1917 г., когда новая власть отказалась от этого института права.

Однако в этой связи следует заметить, что дискуссия по проблеме уголовного проступка в советской науке уголовного права не прекращалась [1, 2, 3]. Предпринимались даже усилия по созданию кодифицированного законодательства, посвященного уголовному проступку. Известно, что был подготовлен проект Кодекса уголовных проступков ВНИИ Прокуратуры СССР в 70-х годах прошлого столетия, в котором под проступком понималось «деяние, степени общественной опасности, не являющееся преступлением, но нарушавшее социалистический правопорядок, охраняемые законом интересы государства и общества, а также права и свободы отдельных граждан» [4].

Обращает на себя внимание то, что критерием определения уголовного проступка в рассматриваемом проекте выступает степень общественной опасности совершенного деяния, которую, как известно, трудно определить на уровне правоприменительной практики. Представляется наиболее удачным теоретическим подходом к определению рассматриваемого понятия является законодательный критерий, где наказание в виде лишения свободы и наказание, не связанное с лишением свободы, используется для выделения категории «уголовный проступок». В частности, Н. В. Щедрин подошел к решению рассматриваемой проблемы наиболее близко, определяя уголовный проступок как виновно совершенное уголовное деяние, за которое законом предусмотрена санкция наказания в виде лишения свободы менее чем на один год или уголовная санкция наказания, не связанная с лишением свободы [5].

Тем не менее к приведенному определению «проступка» имеется ряд проблемных вопросов, состоящих в том,

что примерно так определяется в ныне действующем УК РФ категория «преступления небольшой тяжести». При таком методологическом подходе нарушается законодательная классификация преступлений (ст. 15 УК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г. принял постановление о внесении в Государственную Думу проекта поправок в действующий УК и УПК РФ, в котором предполагалось введение понятия «уголовный проступок». Основная идея этого проекта в том, что преступление небольшой тяжести, за совершение которого не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признается уголовным проступком, а лицо, совершившее уголовный проступок, освобождается от уголовной ответственности с назначением штрафа или исправительных работ. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в проекте допущено некоторое противоречие. Известно, что уголовная ответственность реализуется в форме наказания или иных мер уголовно-правового характера. Освобождение от уголовной ответственности предполагает, что лицо не подлежит наказанию, в том числе не связанному с лишением свободы.

Такой формальный подход к определению уголовного проступка может привести к тому, что к нему могут быть отнесены такие правонарушения, как фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 1 ст. 303 УК РФ) либо заведомо ложные показания, заключения эксперта, специалиста или неправильный перевод (ч. 1 ст. 307 УК РФ). Как известно, уголовная ответственность за эти преступления имеет важнейшее значение в сфере отправления правосудия. К тому же санкции в статьях Особенной части УК РФ представляют собой самостоятельную проблему. К примеру, санкции ч. 1 ст. 115 УК РФ за умышленное причинение легкого вреда здоровью и санкции ст. 116 УК РФ, предусмотренные за побои, вызывают много вопросов.

В зарубежном уголовном праве существует преимущественно двухзвенная классификация (преступления или проступки). Во Франции существует трехзвенное деление преступления, проступки, правонарушения. Представляет научный интерес в этой связи опыт законодательного конструирования уголовных проступков в УК Республики Казахстан, дополненный в 2014 г. 171 проступком, наряду с институтом преступления, используя метод «пожарного исправления»: 58 статей из законодательства, предусматривающего ответственность за административные правонарушения; 104 статьи, определяющие ответственность за преступления небольшой тяжести. Достоинством такого подхода является то, что административные правонарушения по типу «мелкой кражи», «хулиганства» и других перешли в разряд уголовных проступков.

Общим недостатком всех перечисленных нами подходов определения уголовного проступка является то, что они не затрагивали вопроса об изменении законодательной классификации преступлений. При наличии уголовного проступка категории преступлений не могут быть четырехзвенными (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие). В противном случае, преступления небольшой тяжести практически не будут отличаться от уголовного проступка по степени тяжести.

Предлагаемое нами понятие уголовного проступка сводится к тому, что оно находится в неразрывной функциональной связи с категориями преступлений: уголовный проступок представляет собой виновно совершенное деяние (действие или бездействие), не представляющее повышенной общественной опасности, но посягающее на охраняемые уголовным законом общественные отношения (блага), наказуемые лишением свободы до трех лет или иным наказанием, не связанным с лишением свободы, либо наказанием, предусмотренным в КоАП РФ. При этом, мы полагаем, что это понятие является рабочим и временным, имеющим цель – исправить существующее положение дел, связанных с классификацией преступлений в действующем УК РФ. Уголовно-правовая классификация, на наш взгляд, должна включать в себя:

- 1) уголовный проступок;
- 2) тяжкие преступления;
- 3) особо тяжкие преступления.

Преступления небольшой тяжести в классификации ныне действующего УК РФ фактически являются уголовным проступком. Уголовный проступок должен являться самостоятельным институтом права, основанным на более фундаментальном исследовании проблемы классификации преступлений и выделении на этой основе категории уголовного проступка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М., 1948.
2. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957.
3. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976.
4. Кодекс уголовных проступков. Проект. М., 1973.
5. Щедрин Н. В. Основные направления реформирования системы мер уголовно-правового воздействия: опыт законодательного проектирования // Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права. 2016. № 3.

© Сыч К. А.

УДК 343.7

О. Г. ШМЕЛЕВА, профессор кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, доктор экономических наук, доцент (г. Казань)

O. G. SHMELEVA, professor of the department of economics, financial law and information technologies in the activities of the internal affairs bodies of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of economics, associate professor (Kazan)

А. Ф. МУКСИНОВА, адъюнкт Казанского юридического института МВД России (г. Казань)

A. F. MUXINOVA, adjunct of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Kazan)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ДОХОДОВ, ДОБЫТЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ ДРЕВЕСИНЫ

CRIMINAL LIABILITY FOR LEGALIZATION OF REVENUE PROFITABLE ILLEGAL PRODUCTION OF WOOD

Аннотация. В статье исследуются уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации преступлений, предусматривающих ответственность за легализацию доходов, добытых в результате незаконной добычи древесины (ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ).

Ключевые слова: легализация преступных доходов, отмывание денег, незаконная рубка лесных насаждений.

Annotation. The article investigates the criminally-legal characteristic and features of the qualification of crimes that provide for responsibility for legalization of incomes obtained as a result of illegal timber extraction (Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: legalization of criminal proceeds, money laundering, illegal logging of forest plantations.

28 мая 2001 года в Российской Федерации была ратифицирована Конвенция Совета Европы № 141 «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» [1]. Следом за ратификацией по-

следовало принятие Госдумой Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» (далее – ФЗ «О противодействии легализации») [2] и иных нормативных актов [3, 4].

Принятие мер по пресечению и регулированию легализации (отмывания) доходов, приобретенных преступным путем, обусловлено возрастающей угрозой экономической безопасности России, криминализацией сферы экономики и разрастанием нелегального «черного» рынка. Все это способствует ослаблению системы государственного контроля за экономической сферой и разрастанием экономической преступности.

Анализ криминальной ситуации свидетельствует о стабильном росте уровня всей преступности в экономической сфере в целом и организованной преступности в частности. Кроме того, наблюдается постепенная криминализация основных сфер экономической деятельности. К одной из таких сфер в Российской Федерации относится лесопромышленный комплекс, который входит в число базовых отраслей экономики большинства регионов России.

Как сказано в Отчете ФАТФ (группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег) «Легализация (отмывание) доходов от коррупции» [5], часто прослеживается определенная связь распространения коррупции и экономической преступности в тех странах, в которых благосостояние обеспечивается высокой добычей природных ресурсов, таких как нефть и древесина. В условиях слабости контроля со стороны государства растут преступные доходы от нелегального владения природными ресурсами и их продажи. В отдаленных регионах страны, таких как Сибирь, Дальний Восток, широко распространены незаконная добыча золота, вырубка леса и продуктов переработки древесины.

В 2013 году Международная неправительственная организация Агентство экологических расследований (далее – ЕИА) провело расследование вырубок леса на Дальнем Востоке. В результате расследования агентство выявило схему и пути следования незаконно вырубленного леса, а также оценило убытки Российской

Федерации от контрабанды древесины. Ежегодно от 50 до 80 % экспортируемой из России древесины вырубается незаконно. Согласно данным официальной государственной статистики Российской Федерации из-за нелегальной вырубки лесов российский бюджет ежегодно теряет около 4 млрд рублей. Эксперты ЕИА утверждают, что официальная статистика учитывает не более 5 % реальных потерь [6]. Поскольку УК РФ не содержит специального состава преступления о легализации доходов, полученных в результате незаконной добычи древесины, рассмотрим общие ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ.

Родовым объектом рассматриваемых преступлений является сфера экономики государства в целом. Видовым объектом являются общественные отношения в сфере экономической деятельности, регулируемые государством в соответствующих правовых актах, прежде всего это ФЗ «О противодействии легализации». Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, являются общественные отношения в сфере экономической деятельности, обеспечивающие правовой порядок совершения финансовых операций и иных сделок с денежными средствами и имуществом.

Предметом преступлений являются денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем другими лицами (ст. 174 УК РФ) или самим лицом в результате совершения им предшествующего легализации преступления (ст. 174.1 УК РФ). В настоящее время с учетом всех изменений ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ стоимостный порог отмываемого имущества в диспозиции статей не установлен.

В примечании к ст. 174 УК РФ имеется лишь указание на крупный размер – 1,5 млн рублей и особо крупный – 6 млн рублей. Однако, на наш взгляд, данные суммы никак не соотносятся с суммой, установленной в ч. 1 ст. 6 ФЗ «О противодействии легализации». В данной норме сказано, что обязательно-

му контролю подлежат операции с денежными средствами или иным имуществом на сумму 600 тыс. рублей и более. Мы считаем, что в ч. 1 ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ необходимо ввести дополнительный квалифицирующий признак «значительный размер» и установить сумму 600 тыс. рублей. А в Кодексе об административных правонарушениях необходимо предусмотреть соответствующую норму, закрепляющую ответственность за легализацию доходов на сумму меньшую, чем 600 тыс. рублей.

В. А. Третьяков, действуя умышленно, из корыстных побуждений, с целью незаконной рубки лесных насаждений, совершил незаконную рубку 20 деревьев породы сосна общим объемом 48,831 м³ на общую сумму 320 917 рублей. Далее, находясь на территории пилорамы, действуя умышленно, с целью легализации и придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом, осуществил Н. продажу спиленных им 20 деревьев породы сосна. Н. выплатил В. А. Третьякову наличные денежные средства в размере 56 700 рублей. Продолжая свой единый преступный умысел, В. А. Третьяков с целью легализации вырученных им денежных средств за продажу незаконно спиленных им 20 деревьев породы сосна, добытых в результате совершения им преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, и придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами заключил договор купли-продажи, согласно которому А. осуществил продажу В. А. Третьякову лесопроductии в количестве 124 м³. Сумма договора купли-продажи в зависимости от количественных, качественных характеристик и стоимости лесопроductии составила 15 909 рублей. Оставшимися денежными средствами В. А. Третьяков распорядился по своему усмотрению.

Таким образом, Кыштымский городской суд Челябинской области признал В. А. Третьякова виновным в со-

вершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ, и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 15 000 рублей и 1,6 года лишения свободы условно [7]. Объективную сторону ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ образуют действия, проявившиеся в совершении финансовых операций или иных сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенных преступным путем. Способ совершения легализации в УК РФ не устанавливается. Таким образом, конструкция состава охватывает все возможные способы совершения финансовых операций или сделок.

Так, А. С. Язиджян, имея умысел на организацию незаконной рубки деревьев, привлек для исполнения своих преступных намерений М. Г. Христинина, И. А. Бульбас и Ю. Н. Бондарева, которые были осведомлены о преступных намерениях А. С. Язиджяна. Затем он, действуя согласно задуманному преступному плану, указал вышеназванным лицам на неопределенное количество деревьев породы дуб и бук, которые необходимо было незаконно срубить. В результате преступных действий А. С. Язиджяна, М. Г. Христинина, И. А. Бульбаса и Ю. Н. Бондарева было незаконно срублено 62 дерева породы дуб общим объемом 61,96 м³, 2 дерева породы бук общим объемом 2,45 м³. Данными действиями Лермонтовскому лесничеству Джубгского лесничества был причинен ущерб в особо крупном размере на сумму 977 000 рублей. После этого А. С. Язиджян, имея умысел на сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, сбыв 30 м³ древесины А. за 435 000 рублей. Сбыв незаконно заготовленную древесину, А. С. Язиджян, имея умысел на легализацию (отмывание) денежных средств, добытых им преступным путем от реализации незаконно добытой деловой древесины, скрыл подлинный характер и источник их происхождения, зная о наличии у него обязательств имущественного харак-

тера перед ОАО АБ «КУБАНЬБАНК», произвел платеж в сумме 435 000 рублей за приобретенный им в кредит автомобиль «Фольксваген», тем самым легализовал денежные средства в сумме 435 000 рублей.

Таким образом, Туапсинский районный суд Краснодарского края признал А. С. Язиджяна виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 191.1, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года условно с испытательным сроком на 4 года [8].

Следующим обязательным признаком анализируемых преступлений является субъективная сторона. Так, рассматриваемые нами преступления совершаются только с прямым умыслом и только с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, добытых преступным путем.

В приговоре Сыктывкарского городского суда указано, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, заключается в совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления. При этом совершение указанных деяний должно быть обусловлено целью придания правомерности владению, пользованию и распоряжению имуществом, добытым преступным путем, и, соответственно, сопровождаться действиями, направленными на создание видимости такой правомерности. При таких обстоятельствах суд полагает, что изложенные в предъявленном В. М. Осипову и А. С. Навалихину по п. «а» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ обвинении обстоятельства свидетельствуют именно о наличии у них корыстного мотива при совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ,

что нашло свое отражение и в предъявленном им обвинении, однако самого состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, не образуют [9].

Субъектом состава легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Следует отметить, что в УК РФ установлено разграничение составов, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1, в зависимости от субъекта преступления. На наш взгляд, такое разграничение является необоснованным. С учетом зарубежного опыта (уголовное законодательство зарубежных стран не предусматривает разграничение состава о легализации в зависимости от субъекта преступления), а также с учетом схожей общественной опасности мы считаем, что ст. 174.1 УК РФ необходимо декриминализировать.

На основе проведенного исследования представляется возможным сформулировать некоторые выводы:

1. Предметом преступлений являются денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем, стоимостный порог которого в УК РФ не установлен. Мы предлагаем ввести в соответствии с ФЗ «О противодействии легализации» в ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ криминообразующий признак в виде установления минимальной суммы в размере 600 000 рублей.

2. Способ совершения легализации в УК РФ не устанавливается, таким образом, конструкция состава охватывает всевозможные способы совершения финансовых операций или сделок.

3. Обязательным признаком легализации (отмывания) доходов, приобретенных преступным путем, является цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, добытых преступным путем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: конвенция Совета Европы № 141 (принята в г. Варшаве 16 мая 2005 г.) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 8. Ст. 1091.

2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3418.

3. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем»: федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 121-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3424.

4. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 // Российская газета. 2015. № 151.

5. Легализация доходов от коррупции: отчет ФАТФ. URL: [http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Specific Risk Factors in the Laundering of Proceeds of Corruption_RUSSIAN.pdf](http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Specific_Risk_Factors_in_the_Laundering_of_Proceeds_of_Corruption_RUSSIAN.pdf) (дата обращения: 25.06.2018).

6. Расследование: как воруют российский лес. URL: <http://www.interfax.ru/business/334186> (дата обращения: 25.06.2018).

7. Приговор Кыштымского городского суда Челябинской области от 12 марта 2015 г. Дело № 1-69/2015г. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 25.06.2018).

8. Приговор Туапсинского районного суда Краснодарского края от 17 апреля 2015 г. Дело № 1-59/2015г. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 25.06.2018).

9. Приговор суда Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 10 марта 2017 г. Дело № 1-5/2017г. URL: <https://syktsud--komi.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.06.2018).

© Шмелева О. Г.

© Муксинова А. Ф.

А. Р. ИСМАГИЛОВА, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

A. R. ISMAGILOVA, lecturer of the department of administrative and legal disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law (Ufa)

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКТ
И ИНЫХ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
ДЕСТРУКТИВНОГО ХАРАКТЕРА В 1905–1930 ГОДЫ**

**ASSOCIATIONS DESTRUCTIVE THE OPPOSITION OF SECTS AND OTHER
NONTRADITIONAL RELIGIOUS NATURE IN 1905–1930**

Аннотация. В статье рассматривается уголовное законодательство, раскрывающее преступления религиозной направленности и регламентирующее противодействие деятельности сект и иных нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера в 1905–1930 годы.

Ключевые слова: религиозные объединения, секта, деструктивный характер.

Annotation. The article deals with the criminal legislation, revealing the crimes of religious orientation, and regulating the counteraction of sects and other non-traditional religious associations of destructive nature in 1905–1930.

Keywords: religious associations, sect, destructive character.

Возникновение и становление российского уголовного законодательства, ориентированного на борьбу с преступлениями, относящимися к деятельности нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера, сопряжено с историей развития ответственности за преступления против религии и церкви.

В Императорском Указе от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и принятом в соответствии с ним одноименном Положении Комитета Министров также от 17 апреля 1905 года государственная политика в области религиозных отношений получила свое подтверждение и дальнейшее развитие [1, 2]. Эти нормативные акты существенно изменили правовой статус иноверных исповеданий. Согласно

но Императорскому Указу существовавшие тогда в России вероучения, подпадающие под понятие «раскол», разделялись на три группы: а) старообрядческие согласия; б) сектантство; в) последователи изуверных учений, принадлежность к которым каралась согласно уголовному закону. Примечательно, что в отношении старообрядцев отменялись все ограничения, связанные с поступлением их на государственную службу.

Меры административного и полицейского контроля за деятельностью неправославных религиозных общин осуществлялись структурами МВД с опорой на «Устав о предупреждении и пресечении преступлений». В гл. 4 Устава разд. 1 «О предупреждении и пресечении преступлений против веры» предусматривались: а) условия сосуще-

ствования неправославных религиозных сообществ между собой; б) практика бюрократического регулирования перехода из одного христианского вероисповедания в другое; в) приоритет христианства перед нехристианскими сообществами при перемене вероисповедания; г) преимущества православия в привлечении последователей из «иностранных христианских и иноверных исповеданий»; д) запрещение любых проявлений миссионерской деятельности среди православных со стороны духовенства и монашествующих неправославных христианских конфессий [3].

Следующим этапом в развитии уголовного законодательства России были разработка и частичное утверждение Императором России 22 марта 1903 г. проекта Уголовного уложения [4, с. 242]. Все религиозные преступления в нем были объединены в одну главу, включающую в себя 26 статей, которые предусматривали следующие деяния:

1) богохуление (пп. 1, 2, 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 73);

2) кощунство (ст. 74), т. е. поругание действием или поношение установлений или обрядов церкви, а также освященных предметов;

3) бесчинство или воспрепятствование церковному богослужению (ст. 75). В норму были включены три квалифицированных состава: «прервалось богослужение или если такое бесчинство учинено толпою» (ч. 2 ст. 75); «с целью помешать отправлению богослужения» (ч. 3 ст. 75); «если же вследствие бесчинства с целью помешать отправлению богослужения прервалось богослужение или если такое бесчинство учинено толпою» (ч. 4 ст. 75). Данные составы группировались законодателем в две разновидности: первая – наказуемая более строго, если преступление совершалось против христианской церкви; вторая, если деяние направлено против «признанного в России нехристианского вероисповедания» (ст.ст. 76, 77). Вторая группа преступлений была

сформулирована проще и их совершение наказывалось менее строго, нежели деяния из первой группы;

4) надругательство над умершим предусматривало две разновидности: погребение христианина без христианского обряда и похищение или поругание действием умершего, включавшим в себя один квалифицированный состав – если совершалось «над умершим оскорбляющее нравственность действие», один привилегированный – «по суеверию, неразумию, невежеству или в состоянии опьянения»;

5) отвлечение и отступление от церкви, названное в законе как «совращение», было регламентировано в 16 статьях Уложения (ст.ст. 80–95). Совращение означало: а) наличие активного участия, имеющего характер подстрекательства путем нравственного воздействия, обольщения, обещания выгод и т. п.; б) действительное отпадение совращаемого от церкви, а не просто прекращение им посещения церкви, исповеди, посещение виновными иноверных молитвенных домов; в) причинная связь между отпадением совращенного от церкви и воздействием совратителя; г) умышленность в действиях совращающего, связанная с намерением лица вызвать отпадение совращаемого от церкви.

Особое место в Уголовном Уложении занимали составы, предусматривающие ответственность виновного за принадлежность «... к расколу или секте, соединенным с изуверным посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями» (ст.ст. 84, 85, 98). Такая принадлежность наказывалась «ссылкой на поселение в особо предназначенные для таких осужденных местности». Подобным образом наказывались и виновные «в оскотлении самого себя по заблуждению фанатизма».

По поводу отношения государства к видам религиозного вероисповедания С. В. Познышев писал: «Всего более

охраняет оно христианскую православную веру. Другие вероисповедания разделяются на терпимые и нетерпимые. К терпимым, кроме католического, лютеранского, армяно-грегорианского и некоторых других, относятся, между прочим, старообрядчество и неизуверные секты, а также разные нехристианские исповедания: исповедание караимов, еврейское, магометанское, ламаитов и язычников. К нетерпимым принадлежат разные изуверные учения, то есть такие, принадлежность к коим соединена с посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями» [5, с. 343];

б) преступлениями против священнослужителей признавали (ст.ст. 97 и 98) самовольное присвоение лицом сана священнослужителя христианского вероисповедания и учинение «священнодействия, которое может быть совершаемо только священнослужителем сего вероисповедания», а также оскорбление православного священнослужителя или насилие над его личностью. При этом закон указывал в этих составах на специальный субъект преступления – лицо нехристианского вероисповедания, инославного христианского вероисповедания, раскольник или сектант. В ч. 2 ст. 80 Уложения был сформулирован более общий состав, предусматривавший защиту священнослужителей от принуждения к иному, нежели то, к которому они имеют отношение, вероисповеданию: «Если сие принуждение или воспрепятствование учинено по отношению к священнослужителю христианского вероисповедания или духовному лицу нехристианского вероисповедания».

По справедливому замечанию О. В. Старкова и Л. Д. Башкатова, к религиозным нужно относить и преступления, предусмотренные в иных главах (не о религии) соответствующих нормативных правовых актов. Так, в Уложении о наказаниях 1845 г. к таковым относится состав преступления, преду-

смотренный ст. 212, а в Уголовном уложении 1903 г. – п. 2 ст. 455. Оба деяния включены в данных уложениях в главы, посвященные преступлениям против жизни. Лишение жизни священнослужителя определено в них в качестве обстоятельства, квалифицирующего убийство. Это в том случае, когда: а) убит священнослужитель или вообще духовное лицо одного из христианских вероисповеданий, признанных в России; б) если убийство совершено во время службы Божией или исполнения треб; в) с умыслом (всех его оттенков) [6, с. 41].

Начало развития советского законодательства, регулирующего религиозные отношения, было положено Декретом РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [7]. Его положения нашли впоследствии свое отражение в Конституции РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924 г., Конституции СССР 1936 г., которые провозгласили свободу совести как неотъемлемое право каждого гражданина РСФСР и СССР на выбор им вероисповедания или на неисповедование никакой религии. Это закреплялось в отдельной норме всех из названных Основных законов без изменения смысла лишь с небольшими корректировками, не меняющими принципиально их содержания. Так, в ст. 124 Конституции СССР 1936 г. было указано: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

В первых советских Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. отсутствовали специальные нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на личность и права граждан, сопряженное с исполнением ими религиозных обрядов, либо за совершение в отношении потерпевшего преступления по религиозным мотивам. Нередко от-

ветственность за деяния, совершенные по таким мотивам, наступала по статьям Уголовного кодекса за преступления против личности и ее прав. При этом оба кодекса содержали главы с нормами о преступлениях, нарушающих правила об отделении церкви от государства. Такой подход советского законодателя служит подтверждением декларативности свободы совести как в Конституциях РСФСР и СССР, так и в УК РСФСР. Данная ситуация свидетельствовала и о движении советской власти к полному искоренению религии в стране.

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. послужили дальнейшему сведению свободы совести к свободе антирелигиозной пропаганды [8]. В началах отсутствовал принцип осуждения лица за совершение конкретного преступного деяния, они предусматривали объективное вменение. Так, согласно положениям Основных начал ссылка и высылка могли применяться не только в отношении лиц, осужденных за совершение конкретного преступления, но и лиц, признанных общественно опасными «по связи с преступной средой в данной местности». Нормы Основных начал допускали уголовно-правовые репрессии в отношении лиц, как являющихся на момент их действия участниками религиозных объединений, так и бывших таковыми до этого.

Только 8 апреля 1929 г. в РСФСР был принят специальный нормативный правовой акт, создававший правовую основу деятельности религиозных объединений на ее территории. Речь идет о совместном постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» [9]. В данный период в большинстве отраслей советского права и в юридической литературе религиозные объединения почти не упоминались или упоминались как организации несоциального характера, деятельность которых регулировалась советским правом [10, с. 123]. Как видим, в РСФСР имела

место последовательная реализация плана властей по исключению объединений верующих не только из государственной, но и из общественной жизни [11, с. 32].

В соответствии с постановлением от 8 апреля 1929 г. религиозные общины могли лишь «отправлять культы» в стенах «молитвенных домов». Права юридического лица им не предоставлялись и, как следствие, для них устанавливался запрет на просветительскую и благотворительную деятельность. Религиозные общины фактически являлись самоуправляемыми образованиями, и духовенство устранялось из их хозяйственной и финансовой деятельности.

В гл. III УК РСФСР 1922 г., равно как и в гл. IV УК РСФСР 1926 г., были включены нормы, посвященные преступлениям религиозного характера. Данные главы в обоих кодексах назывались одинаково – «Нарушение правил об отделении церкви от государства» [12]. В гл. III УК РСФСР 1922 г. содержалось 6 статей, а гл. IV УК РСФСР 1926 г. – 7, которые были направлены на защиту государственных интересов и конституционного порядка и носили, по своей сути, политизированный и явно атеистический характер. Для настоящего исследования научный интерес представляют три нормы из числа указанных статей. Речь идет о нормах УК, составы которых могли использоваться при противодействии криминальной деятельности нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера.

Так, в ст. 121 УК РСФСР 1922 г. была предусмотрена ответственность за «преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах». В свою очередь ст. 122 УК РСФСР 1926 г. дополняла данное положение формулировкой «или с нарушением установленных для этого правил». В обоих случаях объективная сторона содеянного – это «преподавание религиозных вероучений».

Вместе с тем в уголовном законе отсутствовала ответственность за ведение антирелигиозной или атеистической пропаганды. Очевидно, что подобные действия поощрялись государством. Для квалификации деяния не имело значения, какое религиозное вероучение преподается – православное или любое христианское, ислам, иудаизм и пр. Также не имели значения вид, формы, методы и характер преподавания.

В ст. 120 УК РСФСР 1922 г. и дублирующей ее ст. 123 УК РСФСР 1926 г. была установлена ответственность за «совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какие-либо выгоды». Давая оценку данным нормам, Л. Д. Башкатов отмечает, что они «предусматривали уголовную ответственность за совершение необычных религиозных обрядов, поскольку тогда бы имело место противоречие Конституциям РСФСР и СССР, гарантирующим свободу отправления религиозных культов» [13, с. 176]. Отсюда получается, что в данных нормах УК речь идет о явно мошеннических действиях, совершаемых в целях извлечения материальной или какой-либо иной выгоды, за счет использования суеверия или религиозных чувств населения. Сюда же относятся, наряду с мнимым исцелением неизлечимо больных, и «чудесные знамения», «пророчества», «воскрешение» из мертвых и т. д. Полагаем, что идея криминализации подобного вида деяний может быть воспринята современным российским законодателем в варианте, адаптированном к настоящему времени.

В свете криминальных явлений, характеризующих деятельность некоторых нынешних тоталитарных сект, положения ст. 122 УК РСФСР 1922 г. и ст. 124 УК РСФСР 1926 г. об ответственности за «всякое принуждение при взимании сборов в пользу церковных и религиозных организаций или групп» выглядят сегодня весьма актуально. Ко-

нечно, цели и задачи такой криминализации указанного деяния в 20-х годах прошлого столетия выглядели совсем по-иному. В основном они были обусловлены идеологией борьбы с «опиумом для народа» – религией, т. е. исходили от воинствующего государственного атеизма. Между тем реалии современного мира свидетельствуют о необходимости принятия решительных мер уголовно-правового характера, направленных на установление ответственности лидеров нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера, заставляющих адептов передавать принадлежащую им собственность в пользу возглавляемых ими структур.

Достаточно интересной представляется для нас норма, содержащаяся в главе о преступлениях против порядка управления УК РСФСР 1922 г. Речь идет о п. «г» ст. 81, предусматривающей ответственность за «уклонение от призыва к обязательной военной службе... под предлогом религиозных убеждений». Криминализация такого вида уклонения была результатом учета политических составляющих и вызывалась необходимостью формирования действующей армии. Однако, несмотря на это, религиозные учения некоторых сект предполагали уклонение от государственной службы вообще и от военной в частности. Так, члены секты духоборов стремились последовательно исполнять заповедь «не убий» и отказывались служить в армии, скрывали дезертиров, хотя в их рядах было много людей, профессионально владевших оружием, – казаков, пикинеров. Такой же позиции придерживались и молокане, отрицательно относившиеся к войне, службе в армии. Среди них также было распространено дезертирство [14].

Таким образом, конец XIX века в России отмечался смягчением проводимой государством политики в отношении нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера и появлением у властей терпимости к сек-

тантству. Свое отражение последнее нашло и в уголовном законодательстве. Проект Уголовного уложения 1903 г. устанавливал повышенную ответственность только за соращение и принадлежность к «расколоучению или секте, соединенным с изуверным посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями».

В советский период развития уголовного законодательства, после октября 1917 г., наметилась тенденция к смягчению ответственности в отношении деятельности различных нетрадиционных религиозных культов. При этом государство признавало за гражданами право на свободу вероисповедания, считая преступным совершение ря-

да запрещенных законом действий в процессе функционирования религиозных объединений. Значительное внимание законодателем уделялось вопросам, связанным с закреплением в УК состава преступления об ответственности за организацию религиозного объединения, деятельность которого связана с нарушением общественного порядка и с посягательствами на личность и интересы граждан. В результате в уголовном законе впервые появилась норма об ответственности за создание религиозной группы, деятельность которой сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с половой распущенностью. В последующем эта норма была изменена в направлении расширения сферы ее действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об укреплении начал веротерпимости: императорский указ от 17 апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи: собрание 3. Т. XXV. Отд. 1. СПб., 1908.
2. Об укреплении начал веротерпимости: Высочайше утвержденное положение Комитета Министров // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. М., 2010.
3. О предупреждении и пресечении преступлений против веры: устав о предупреждении и пресечении преступлений. Разд. 1 // Свод Законов Российской империи / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. Т. XIV. Ст. 3–102. СПб., 1912.
4. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций: в 9-ти томах / под общ. ред. О. И. Чистяков. М., 1994. Т. 9.
5. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1909.
6. Старков О. В., Башкатов Л. Д. Криминология: религиозная преступность. СПб., 2004.
7. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.
8. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года // Собрание законодательства СССР. 1924. № 24. Ст. 205.
9. О религиозных объединениях: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.
10. Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь / отв. ред. Б. М. Лазарев. М., 1985.
11. Фокин М. С. Уголовно-правовая характеристика организации религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000.
12. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР: комментарий / под ред. И. Т. Голякова. 2-е изд. М., 1946.
13. Религиозная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
14. Старообрядчество и секты. URL: <http://ptales.holdgold.ru/page.php?id=183> (дата обращения: 05.05.2016).

© Исмаилова А. Р.

УДК 343.123.33(470)

И. А. АНТОНОВ, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

I. A. ANTONOV, professor of department of management bodies investigation of crimes Academy of management of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of law, professor (Moscow)

А. Г. МАМОНТОВ, адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (г. Москва)

A. G. MAMONTOV, adjunct of department of management bodies investigation of crimes Academy of management of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

ДОПУСТИМОСТЬ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: БОЛЬШЕ ВОПРОСОВ, ЧЕМ ОТВЕТОВ

THE VALIDITY OF THE TERMINATION OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS DURING PRE-TRIAL PROCEEDINGS: MORE QUESTIONS THAN ANSWERS

***Аннотация.** В статье поднимаются проблемы допустимости прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования и связанные с ними вопросы о разрешении уголовного дела по существу и признании лица виновным в совершении преступления не судом, а следователем; о процессуальном статусе следователя, а также о противоречивости функций следователя. При этом решать поставленные вопросы автор предлагает с применением функционально-содержательного анализа деятельности следователя.*

***Ключевые слова:** следователь, суд, прекращение уголовного дела, разрешение уголовного дела по существу, функция юстиции, функционально-содержательный анализ.*

***Annotation.** The article raises the problems of the admissibility of the termination of the criminal case at the stage of preliminary investigation and related issues on the resolution of the criminal case on the merits and the recognition of the person guilty of a crime not by the court but by the investigator; on the procedural status of the investigator, as well as on the counter. At the same time, the author proposes to solve the questions with the use of functional and content analysis of the investigator's activity.*

***Keywords:** investigator, court, termination of the criminal case, resolution of the criminal case on the merits, the function of justice, functional and substantive analysis.*

Исследование вопроса о допустимости и обоснованности прекращения уголовного дела в ходе досудебного производства – принятие решения, которым фактически на стадии предварительного расследования осуществляется разрешение уголовного дела по существу, – несколько потеряло свою актуальность после выхода в свет решения Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» [1]. И хотя заявитель оспаривал законодательные положения, ограничивающие его право на обжалование судебного решения о прекращении уголовного дела, Конституционный Суд РФ затронул важный аспект – самой возможности прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не судом, а иными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, в частности, органами прокуратуры или предварительного расследования.

Конституционный Суд РФ выделил четыре главные правозащитные идеи, на которых базируется принимаемое решение:

1) в соответствии с Конституцией РФ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 49);

2) правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ);

3) каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод и обеспечивается возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц (чч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ);

4) презумпция невиновности и право граждан на судебную защиту от-

носятся к таким правам, которые в силу ч. 3 ст. 56 Конституции РФ не подлежат ограничению ни при каких условиях.

При этом Конституционный Суд РФ, как представляется, без достаточного обоснования указал, что принятое на основании ст. 6 УПК РСФСР решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено ст. 49 Конституции РФ.

Рассматриваемый случай прекращения уголовного дела вследствие изменения обстановки, если совершенное лицом деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным, предполагает освобождение лица от уголовной ответственности и наказания, но только после того, как в ходе предварительного расследования будет установлено, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления, и в материалах уголовного дела найдет отражение процесс доказывания виновности лица в совершении преступления и его результат – утверждение, что именно это лицо совершило именно это уголовно наказуемое деяние. Соответственно, решение о прекращении производства по уголовному делу по рассматриваемому основанию не влечет за собой реабилитацию лица (этим решением лицо не признается невиновным, а подтверждается законность и обоснованность осуществляемого ранее в отношении него уголовного преследования).

Таким образом, вопрос о виновности лица при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не просто остается открытым, как указывает Конституционный Суд РФ, (на этот вопрос в ходе предварительного расследования и принятым законным и обоснованным процессуальным решением следователя дан четкий и однозначный ответ) – лицо при-

знается виновным в совершении преступления.

В настоящее время, после принятия УПК РФ в 2001 году, к рассматриваемым основаниям, которые принято называть нереабилитирующими, относятся: истечение сроков давности уголовного преследования; смерть подозреваемого или обвиняемого; прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и другие, определяемые пп. 5, 6 ст. 24 и ст. 25.1 УПК РФ.

При этом, учитывая то, что прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования (ч. 3 ст. 24 УПК РФ), а также то, что уголовное дело подлежит прекращению в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых (ч. 4 ст. 24 УПК РФ), к системе нереабилитирующих оснований прекращения производства по уголовному делу в отношении конкретного лица относятся, в частности, издание акта об амнистии, прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, а также основания, определяемые п. 6 ч. 1 ст. 27 и ст. 28.1 УПК РФ.

Уголовно-процессуальный закон учитывает, что указанные основания относятся к категории нереабилитирующих, в связи чем допускает возможность прекращения уголовного дела при их наличии лишь с согласия лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

На необходимость получения согласия лица на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям обращал свое внимание и Конституционный Суд РФ, отмечая, что это вело к нарушениям конституционного права на судебную защиту и презумпции невиновности. И это положение нашло свое закрепление в УПК РФ.

Однако здесь нельзя не акцентировать внимание на то, что Конститу-

ционный Суд РФ в целом поставил соблюдение прав лица, вовлекаемого в сферу уголовно-процессуальных правоотношений в качестве подозреваемого и обвиняемого, при прекращении уголовного дела, в том числе на стадии предварительного расследования, в зависимость от того, возражает ли это лицо против прекращения уголовного дела и ходатайствует о продолжении производства по делу или нет.

Конституционный Суд РФ сильно упростил проблему. Его решение не снимает основного вопроса: может ли следователь на стадии предварительного расследования прекратить уголовное дело, приняв, таким образом, итоговое решение по делу, фактически разрешив его по существу? Конституционный Суд РФ лишь переложил рассматриваемую проблему на плечи подозреваемого, обвиняемого. Основываясь на его постановлении, можно указать, что решение о виновности лица в совершении преступления принимает сам подозреваемый, обвиняемый. Получается, что он дает согласие органам предварительного расследования на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, признавая свою виновность в совершении преступления со всеми вытекающими правовыми последствиями. Такой подход может нас завести в рассуждениях очень далеко – вплоть до возвращения к тому, что признание лица в совершении преступления является «царицей доказательств». Это совершенно недопустимый подход. Н. С. Алексеев, Л. Е. Ароцкер, А. Д. Бойков, Г. Ф. Горский, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев, Н. А. Комарова, А. Ф. Кони, Д. П. Котов, В. В. Леоненко, С. Г. Любичев, Н. А. Сидорова, М. С. Строгович, П. С. Элькинд [2–14] и многие другие ученые всю свою жизнь посвятили научному обоснованию настоятельной потребности отказа от обвинительного уклона в работе следователя и суда, отказа от признания обвиняемым своей вины в качестве доказа-

тельства, которое может быть положено в основу обвинения и приговора суда. Именно их четкая обоснованная линия научных рассуждений, упорство в распространении гуманистических идей и их проецировании на сферу уголовно-процессуальных отношений привели к появлению в уголовно-процессуальном законе нормы о том, что показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, относятся к недопустимым доказательствам (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Таким образом, исследование поднимаемого для обсуждения вопроса должно быть продолжено. А продолжать исследование, как нам представляется, необходимо в следующем ключе.

Разрешение уголовного дела по существу – это функция суда в сфере уголовного судопроизводства. Разрешая уголовное дело по существу, суд осуществляет правосудие. При этом, разрешая уголовное дело, суд может как вынести приговор (оправдательный или обвинительный), так и прекратить уголовное дело, в том числе по нереабилитирующим основаниям, фактически признав лицо виновным в совершении преступления. Получается, что на стадии предварительного расследования следователь, обладая полномочиями прекратить уголовное дело, в том числе по нереабилитирующим основаниям, фактически берет на себя полномочия суда и реализует функцию юстиции – осуществляет правосудие (признает лицо виновным в совершении преступления).

Таким образом, решить научно-исследовательскую задачу о допустимости и обоснованности прекращения уголовного дела (его разрешения) в ходе досудебного производства мы можем только через анализ деятельности следователя. Требуется разрешить многие вопросы: назначение следственной деятельности,

ценностные ориентиры в деятельности следователя, правовой статус следователя (права и обязанности), а также функции следователя (на наш взгляд, относить его к стороне обвинения и, таким образом, требовать от него реализации функции обвинения – недопустимо, как недопустим и обвинительный уклон в следственной деятельности).

Основываясь в исследовании деятельности следователя на теории функционального анализа, уже на начальном этапе исследования мы выявили противоречивость (противоречивость) функций следователя, которая чрезвычайно негативно влияет на содержание его деятельности (абстрагируясь от четкости научных определений, можно сказать, что следователь выполняет: функцию обвинения – собирая обвинительные доказательства, устанавливая отягчающие вину обстоятельства; функцию защиты – собирая (проверяя) оправдательные доказательства, устанавливая смягчающие вину обстоятельства; функцию юстиции – разрешения уголовного дела по существу – прекращая уголовное дело по нереабилитирующим основаниям).

При этом в научных работах мы находим больше управленческий, организационный подход к анализу, в том числе следственной деятельности, – с использованием функционально-структурного анализа (или функционально-целевого анализа организации работы), что не подходит для нашего исследования (нас в рассматриваемом аспекте не интересует структура органов предварительного следствия и пути ее оптимизации).

Мы учитываем, что наиболее важно для нас – получение системных знаний о содержании деятельности следователя, а также о его процессуальном статусе. В этой связи нам потребуются применение функционально-содержательного анализа деятельности следователя, который позволит выявить функции и существенные признаки следст-

венной деятельности, ее свойства и качества, чтобы в последующем ответить на вопрос о едином предназначении следователя и судьи в решении двуединого правозащитного назначения уголовного судопроизводства, о едином ценностном подходе в их работе, а также, как следствие: либо говорить о функции расследования уголовных дел, которая является однородной по существу с функцией разрешения уголовного дела (таким образом, следователь выполняет самостоятельную функцию – функцию расследования, реализация которой связана с объективным, беспристрастным, всесторонним исследованием обстоятельств совершенного уголовно наказуемого деяния, и не относится к стороне обвинения); либо говорить о единой функции, осуществ-

ляемой судом и следователем (и тогда придется настаивать на дополнительном внимании к поднимаемым сегодня вопросам о возрождении института судебных следователей, чья работа предшествует работе судьи и выступает в качестве начального этапа реализации единой функции отправления правосудия). Может быть, более рационально возложить полномочия по прекращению уголовных дел, в том числе по нереабилитирующим основаниям, на суд, исключив это право органов предварительного расследования?

Итак, вопросы поставлены, задачи, требующие решения, обозначены, исследование допустимости и обоснованности прекращения уголовного дела в ходе досудебного производства продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

1. По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова: постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45. Ст. 5203.
2. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
3. Ароцкер Л. Е. Тактика и этика судебного допроса. М., 1969.
4. Бойков А. Д. Нравственные основы судебной защиты. М., 1978.
5. Бойков А. Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М., 1978.
6. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж, 1973.
7. Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса: учебное пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993.
8. Комарова Н. А., Сидорова Н. А. Судебная этика. СПб., 1993.
9. Кони А. Ф. Избранные труды и речи. Тула, 2000.
10. Котов Д. П. Вопросы судебной этики. М., 1976.
11. Леоненко В. В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981.
12. Любичев С. Г. Этические основы следственной тактики. М., 1980.
13. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984.
14. Элькинц П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976.

© Антонов И. А.
© Мамонтов А. Г.

УДК 343.121:343.137.9(470)

А. В. ПОБЕДКИН, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

A. V. POBEDKIN, professor at the department of management of crime investigation bodies and units management Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of law, professor (Moscow)

**НИ ОБВИНЯЕМЫЙ, НИ СВИДЕТЕЛЬ:
СОЗДАНИЕ «СУЩЕГО БЕЗ НУЖДЫ»**

NO ACCUSED, NO WITNESS: CREATING A «EXISTING WITHOUT NEED»

***Аннотация.** В статье анализируются изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, которыми в систему участников уголовного судопроизводства введен новый участник – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Прослеживается взаимосвязь правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (постановление от 20 июля 2016 г. № 17-П), которая и стала иницирующим фактором законодательных новелл и формы ее отражения в законе. На основании диалектического метода (с учетом истории развития правового положения обвиняемого, в связи с общими положениями теории доказательств, на основе анализа реального правового положения лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве) с привлечением общенаучных методов (анализа, синтеза, моделирования, формально-логического и др.), а также частнонаучных методов (формально-юридического, логико-юридического и др.) делается вывод о том, что реальная необходимость предусматривать указанного участника уголовного судопроизводства отсутствовала. Фактически он является обвиняемым, даже невзирая на использованные законодателем средства придать ему некоторые черты процессуального статуса свидетеля.*

***Ключевые слова:** лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, обвиняемый, свидетель, досудебное соглашение о сотрудничестве, показания.*

***Annotation.** The article analyzes the changes made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which introduced a new participant into the system of participants in criminal proceedings - a person in respect of whom the criminal case was separated into separate proceedings in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him. The relationship of the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation (Resolution of July 20, 2016 No. 17-P), which became the initiating factor of legislative innovations and the form of its reflection in the law, is traced. Based on the dialectical method (taking into account the history of the development of the legal position of the accused, in connection with the general provisions of the theory of evidence, based on the analysis of the real legal status of the person who entered into the pre-trial agreement on cooperation) with the use of general scientific methods (analysis, synthesis, modeling, formal-*

logical and others), as well as private scientific methods (formal legal, logical legal, etc.), it is concluded that the real need to provide for a specified participant in the criminal proceedings is absent. In fact, he is an accused, even in spite of the means used by the legislator to give him some features of the procedural status of a witness.

Keywords: *a person in respect of whom the criminal case has been separated into separate proceedings in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him, the accused, a witness, a pre-trial cooperation agreement, testimony.*

Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в уголовное судопроизводство России введен новый участник – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ). Вновь введенный участник определяется как участник уголовного судопроизводства, привлекаемый к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления (ч. 1 ст. 56¹ УПК РФ).

Своим появлением в уголовном судопроизводстве России он обязан постановлению Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 № 17-П по делу о проверке конституционности положений чч. 2 и 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40¹ УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко [1]. Это постановление уже критически анализировалось автором настоящей статьи [2]. Напомним, что суть постановления сводилась к тому, что лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, не должно предупреждаться об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний по ст.ст. 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), поскольку свидетелем не является, ибо не утрачивает интерес к исходу «основного» уголовного дела, и в то же время не является по нему обвиняемым.

Соответственно, с позиции Конституционного Суда РФ данное лицо обладает особым процессуальным статусом, который не соотносится в полной мере ни со статусом свидетеля, ни со статусом обвиняемого (подсудимого). В судебной практике, – подчеркивает Конституционный Суд РФ, – не сложилось единообразное понимание его правового положения в качестве участника судебного разбирательства по «основному» уголовному делу, и потому оно подлежит интерпретации с учетом того обстоятельства, что права и свободы человека обуславливаются наличием определенных существенных признаков, фактическим положением данного лица, а не одним лишь формальным признанием его тем или иным участником.

Самое странное в указанном постановлении Конституционного Суда РФ то, что в поисках неких гарантий достоверности показаний соучастников преступления по выделенному делу в отношении подсудимых «основному» делу, взамен невозможности предупредить допрашиваемых об уголовной ответственности как свидетелей Конституционный Суд РФ предложил считать средством, обеспечивающим достоверность таких показаний, – угрозу общего порядка судебного разбирательства в отношении солгавших соучастников, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. Нужно ли убеждать в том, что перспектива получить справедливое наказание никак не считается ответственностью и не является действенным средством от лжи.

Конституционный Суд РФ поручил федеральному законодателю с учетом сформулированной правовой пози-

ции внести в УПК РФ соответствующие изменения, касающиеся участия обвиняемого в уголовном деле, выделенном в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, в судебном разбирательстве по основному делу *в целях дачи показаний* (курсив наш. – А. П.) в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним.

С учетом сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции федеральному законодателю, фактически попавшему в «клещи», было не из чего выбирать, он должен был исходить из того, что лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, когда оно дает показания в отношении соучастника, – не обвиняемый и не свидетель. Каких еще решений можно было ждать от законодателя в предложенных ему условиях?

Между тем Конституционному Суду РФ не стоило так убедительно и витиевато [3, с. 92] доказывать, что лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, не является свидетелем и не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Это достаточно очевидный факт. Жалоба, ставшая предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, хотя и была основана на конкретных прагматических интересах заявителей, имела глубокий «процессуальный» смысл – каким образом гарантировать от «оговора» тех, кто досудебное соглашение о сотрудничестве не заключил. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве влечет повышенный риск со стороны тех, с кем обсуждаются возможность и условия заключения соглашения [4, с. 152].

Ясно, что поиск таких гарантий не может лежать в плоскости возложения какой-либо ответственности за

ложные показания на лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, хотя бы потому, что оно по своему «фактическому» положению, как часто выражается Конституционный Суд РФ, не кто иной, как обвиняемый.

Данное лицо имеют прямую личную заинтересованность в исходе как основного уголовного дела, так и дела, которое выделено в отдельное производство. Конечно, как и замечает Конституционный Суд РФ, в случае выделения уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, оно приобретает статус обвиняемого по выделенному уголовному делу. Верно и то, что он не является подсудимым по основному уголовному делу. Однако он обвиняется в совершении тех же деяний (или связанных с ними), в которых обвиняются его соучастники, и никакого иного положения, кроме обвиняемого, занимать не может, даже если привлекается к участию по выделенному делу. Протицируем Конституционный Суд РФ: «В рамках досудебного соглашения о сотрудничестве отказ от свидетельского иммунитета означает, что подозреваемый, обвиняемый обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, определенные действия..., в том числе сообщить существенные для следствия сведения, изобличающие соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления». Речь совершенно правильно ведется о подозреваемом, обвиняемом, который взял на себя обязательства изобличить соучастников.

Право не давать показаний, отсутствие ответственности за дачу заведомо ложных показаний является характеристикой правового статуса именно подозреваемого или обвиняемого. Уже много лет в теории уголовного процесса

аксиоматичным является положение о том, что заинтересованность обвиняемого в деле проявляется не только тогда, когда он излагает свои соображения по поводу события преступления, по поводу фактов, но и тогда, когда он излагает сами факты, когда ведет речь о самом событии преступления [5, с. 160].

Очевидно, что фактическое правовое положение лица не может измениться в случае выделения уголовного дела в отношении него в отдельное производство. Об этом с достаточной очевидностью свидетельствуют положения ст. 154 УПК РФ, предусматривающей основания такого выделения. Вряд ли возникают сомнения, что обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство на основании, например п. 1 или 2 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, будет допрашиваться по уголовному делу в отношении своего соучастника в каком-либо ином качестве, кроме статуса обвиняемого. Да и ч. 4 ст. 154 УПК РФ, строго говоря, не требует обязательного выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении подозреваемого, обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. На этом настаивает только Пленум Верховного Суда РФ, который усмотрел из смысла ч. 1 ст. 317⁴ УПК РФ, что в противном случае особенности производства, установленные гл. 40¹ УПК РФ, попросту неприменимы [4, с. 113; 6; 7, с. 20–28].

Профессор Н. Е. Павлов отмечал, что термин «уголовное дело» как совокупность материалов употребляется в УПК РФ неточно. Уголовное дело – это преступление (человек совершил уголовное дело) [8, с. 4–6], недооцененное, но очень глубокое, по сути, суждение. По уголовному делу (как преступлению) может быть сколько угодно производств, но статус лиц, обвиняемых (подозреваемых) в его совершении, не может меняться в зависимости от того, в каком именно производстве они участвуют. Уголовное преследование в от-

ношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, «по изначальной единому делу... против него далее *формально не ведется*» (курсив наш. – А. П.), – отмечено в рассматриваемом постановлении. Однако правовые позиции Конституционного Суда РФ юристами уяснены: необходимо ориентироваться на фактическое, а не формальное положение участника судопроизводства.

Тем более непонятно, почему Конституционный Суд РФ отказал лицу, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, в полноценной реализации права на защиту, не в пример обвиняемому по «основному» уголовному делу: «... поскольку участие в процессе по основному уголовному делу лица, уголовное дело которого выделено в отдельное производство, сопряжено, прежде всего, с правом на защиту лиц, по уголовному делу которых оно дает показания, к такому лицу не применяются и не могут применяться процедурные правила, регламентирующие участие в судебном заседании (в том числе при производстве допроса) подсудимого».

Для чего потребовались столь противоречивые аргументы обоснования особого правового статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, при допросе в отношении соучастников по «основному» уголовному делу? Объяснение на поверхности: Конституционный Суд РФ ищет (и, к сожалению, не находит) гарантии достоверности показаний лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, в отношении избобличаемых соучастников.

Таким образом, федеральный законодатель оказался перед небогатым выбором и был обязан закрепить статус лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, уголовное дело в отношении которых выделено в отдель-

ное производство, «в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним» как не свидетеля и не обвиняемого. Обращаем внимание на кавычки: это цитата из постановления Конституционного Суда РФ, который ведет речь только о даче показаний.

Федеральный законодатель вырвался даже из узких «клещей», заданных Конституционным Судом РФ. Без необходимости он ввел нового участника уголовного судопроизводства, тогда как вполне достаточно было предусмотреть, например в ст.ст. 164 и 278 УПК РФ (или других статьях УПК РФ), правило, согласно которому лицо, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, допрашивается по уголовному делу в отношении соучастников преступления без предупреждения его об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Законодатель пошел дальше. Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, определяется как самостоятельный участник процесса через признак: «привлекаемый к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления». Речь, следовательно, идет о том, что именно этот участник со свойственным ему процессуальным статусом действует при привлечении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, к любому процессуальному действию по уголовному делу в отношении соучастников. Например, при проведении обыска по основному уголовному делу, в ходе которого могут быть обнаружены предметы (документы), изобличающие и лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, последнее может участвовать не как обви-

няемый с полноценным статусом, а как «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве».

Статус этот (в полном соответствии с идеей Конституционного Суда РФ) определяется через процессуальное положение свидетеля: данное лицо «наделяется правами, предусмотренными ч. 4 ст. 56 настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей статьей» (ч. 1 ст. 56¹ УПК РФ). Собственно, никаких изъятий, кроме недопустимости предупреждения данного лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со ст.ст. 307 и 308 УК РФ, из статуса свидетеля законодатель не делает. Вызов на допрос и сам допрос производится по правилам допроса свидетеля (несколько странно, что лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве и чаще всего содержащееся под стражей, вызывается на допрос повесткой, еще более странно, что на данное лицо распространили правила оказания юридической помощи в ходе допроса, предусмотренные ч. 5 ст. 189 УПК РФ, явно ограничивающие его право на защиту). Уклоняться же от явки по вызовам следователя или в суд, равно как и разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, в случае предупреждения об этом в порядке ст. 161 УПК РФ, не вправе ни свидетель, ни обвиняемый. На обоих распространяются и правила о приводе при уклонении от явки без уважительных причин.

Федеральный законодатель, объявляя статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, производным от статуса свидетеля, явно ограничивает его право на

защиту, даже привлекая к процессуальным действиям по «основному» уголовному делу.

Право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), не тождественно праву обвиняемого не давать показаний, который не несет наказания и за их ложность. Обвиняемый имеет только право давать показания. Положения ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, продублированные п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ для свидетеля, распространяются вообще на всех лиц, находящихся на территории России, вне зависимости от того, в каком качестве и в ходе каких процессуальных и непроцессуальных действий им предлагается представить самоизобличающую вербальную информацию (постановление Европейского Суда по правам человека от 10 марта 2009 г. «Быков против Российской Федерации») [9, с. 41–44]. Кроме того, ч. 1 ст. 51 Конституции РФ не освобождает от дачи заведомо ложных показаний в случае согласия их дать.

Несмотря на правовую позицию Конституционного Суда РФ и положения ст. 56¹ УПК РФ, утверждать о том, что лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением им досудебного соглашения о сотрудничестве, обязано давать показания или несет ответственность за заведомую их ложность, невозможно. В самом деле нельзя же утверждать, что юридической ответственностью за отказ лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве являются последствия, на которые указывает в ч. 3 ст. 56¹ УПК РФ, т. е. последствия несоблюдения им условий и невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. Эти последствия – снабженная процессуальными гарантиями процессуальная форма судебного разби-

рательства с назначением справедливого наказания. Право на это имеет любой обвиняемый, включая (при его желании) и того, кто заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, но решил его не выполнять.

Таким образом, положения ч. 3 ст. 56 УПК РФ не могут свидетельствовать о юридической обязанности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, давать показания или об ответственности за их ложность. К тому же о последствиях нарушения подозреваемым, обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве подробно сказано в гл. 40¹ УПК РФ и тиражировать эти положения в других статьях нет никакого смысла.

Лицо, дающее показания в отношении соучастника преступления, может находиться только в статусе подозреваемого или обвиняемого. Фактически оно в нем и находится, несмотря на несколько неуклюжую конструкцию, привнесенную законодателем в УПК РФ в связи с правовой позицией Конституционного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что факт дачи показаний лицом, чье уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, не освобождает органы обвинения от обязанности доказывания виновности и иными средствами. Показания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не только не имеют заранее установленной силы, но и, напротив, подлежат проверке и оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности по всем правилам уголовно-процессуального закона. Иначе говоря, проверять показания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в отношении соучастника нужно не менее тщательно, чем показания подозреваемого или обвиняемого [10, с. 12–13; 11, с. 17].

Несколькостораживает, что Конституционный Суд РФ считает нор-

мальным вынесение приговора по выделенному делу раньше, чем по «основному», отмечая, что даже приговор, вынесенный в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не имеет преюдициальной силы (ст. 90 УПК РФ) и не может предрешать виновность лиц, являющихся обвиняемыми по основному уголовному делу, что означает необходимость полноценной проверки обстоятельств, сообщенных лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство.

К сожалению, Конституционный Суд РФ, озабоченный в первую очередь гарантиями прав обвиняемых по «основному» уголовному делу, а вслед за ним и законодатель прошли мимо важного средства обеспечения объективности производства в случае заключения лицом (лицами) досудебного соглашения о сотрудничестве: рассмотрение «основного» уголовного дела раньше, чем выделенного [4, с. 116]. Тем более пред-

принимаются попытки доказать, что выделенное дело нужно рассматривать в первую очередь [12, с. 17]. Хотя, будем откровенны, при рассмотрении уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве «... судья оказывается перед... необходимостью сформировать свое, в значительной степени окончательное мнение о доказанности обвинения подсудимого уже в стадии подготовки к судебному заседанию» [13, с. 27].

С учетом изложенного, усилиями Конституционного Суда РФ и законодателя в уголовном судопроизводстве без насущной потребности появился новый участник: по фактическому его положению в уголовном процессе – обвиняемый, по процессуальному статусу – заинтересованный в исходе уголовного дела свидетель, не несущий уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 31. Ст. 5088.
2. Победкин А. В. Общий порядок судебного разбирательства как форма привлечения к ответственности за ложные показания обвиняемого (замечания по поводу правовой позиции Конституционного Суда РФ) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 2 (31).
3. Александров А. С., Босов А. Е. «О гармонизации российского права» и преодолении «конвенционно-конституционных коллизий» средствами риторики // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3.
4. Баев О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения. М.: Норма: Инфра-М, 2013.
5. Перлов И. Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955.
6. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.
7. Астафьев Ю. В. Компромисс или сделка? (практические проблемы заключения досудебных соглашений о сотрудничестве) // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): материалы научно-практической конференции (Воронеж, 21–22 декабря 2009 года). Сер.: Юбилей, конференции, форумы. Вып. 6. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2010.
8. Павлов Н. Е. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (опыт лингвологического анализа) // Досудебное производство: проблемы и перспективы: материалы межведомственной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М., 2007.

9. Новиков С. А. Показания обвиняемого в уголовном процессе России: проблемы допустимости // Российская юстиция. 2014. № 2.

10. Мариинская Н. Прения государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей // Законность. 2018. № 4.

11. Мотовиловкер Я. О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956.

12. Решетова Н. Ю., Коняева Ж. К. Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности. М., 2011.

13. Шадрин В. Участие прокурора в судебном разбирательстве уголовного дела с досудебным соглашением о сотрудничестве // Законность. 2018. № 2.

© Победкин А. В.

УДК 343.141-028.26(470)

З. З. ТАЛЫНЕВА, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

Z. Z. TALYNEVA, associate professor of the department of criminal procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law, associate professor (Ufa)

С. Р. ДАВЫДОВА, заместитель начальника следственного отдела Отдела полиции № 3 Следственного управления УМВД России по г. Уфе (г. Уфа)

S. R. DAVYDOVA, deputy head of the investigation department of the Police No. 3 of the Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Ufa (Ufa)

К ВОПРОСУ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ МАТЕРИАЛОВ АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

TO THE QUESTION OF EVIDENTIARY VALUE OF THE MATERIALS AUDIO AND VIDEO RECORDINGS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье проанализированы отдельные аспекты проблемы использования материалов аудио- и видеозаписи в качестве доказательств в уголовном процессе Российской Федерации. Авторы формулируют рекомендации, направленные на обеспечение допустимости, относимости и достоверности материалов аудио- и видеозаписи.

Ключевые слова: доказывание, доказательство, материалы аудио- и видеозаписи.

Annotation. The article analyzes some aspects of the problem of using audio and video materials as evidence in the criminal process of the Russian Federation. The author for-

mulates separate recommendations aimed at ensuring the admissibility, relevance and reliability of audio and video materials.

Keywords: *evidence, proof, audio and video materials.*

Доказывание представляет собой разновидность познания человеком реальной действительности, осуществляющегося в соответствии с общими закономерностями познавательной деятельности [1, с. 136]. Доказывание как процесс познания совершенного преступления является сложной комплексной и многогранной деятельностью, в основе которой лежит философское учение об отражении как свойстве материи [2, с. 162]. Доказывание в уголовном процессе имеет, как нам представляется, два аспекта: познавательный и удостоверительный, при этом первый характеризует содержание процесса познания, а второй – его форму.

Для уголовно-процессуального познания важно единство познавательного и удостоверительного аспектов, поскольку, во-первых, в ходе уголовно-процессуального познания не могут быть использованы произвольные средства доказывания, а, во-вторых, познание в сфере уголовного процесса может осуществляться только с помощью способов, указанных в законе. Исчерпывающий перечень доказательств, допустимых к применению в уголовном судопроизводстве, сформулирован в ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). При этом круг источников доказательств также ограничен законом. Нарушение указанных требований ведет к признанию доказательств недопустимыми.

Отметим также, что познание в уголовном процессе всегда направлено на установление обстоятельств, значимых для разрешения уголовного дела, совокупность которых составляет предмет доказывания и может осуществляться только определенными субъектами, исчерпывающий перечень которых сформулирован в УПК РФ.

В ст. 74 УПК РФ сформулировано понятие доказательства. Законодатель понимает под этим термином «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Однако, несмотря на весьма широкое определение доказательства как «любых сведений», для того чтобы конкретные сведения могли стать доказательствами по уголовному делу, они должны обладать рядом характеристик, которые нередко именуется «правовыми свойствами» [3, с. 40]. Статья 88 УПК РФ указывает в этой связи на относимость, допустимость, достоверность доказательств, а также на их достаточность для разрешения уголовного дела.

В соответствии со ст. 84 УПК РФ документы как разновидность доказательств могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться: материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном действующим законодательством.

Таким образом, аудио- и видеодокументы, будучи разновидностью доказательств, также подлежат обязательной оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. Относимость доказательств, как нам представляется, должна рассматриваться через призму предмета доказывания. С этих позиций относимыми могут быть лишь те аудио- или видеодокументы, которые позволяют установить обстоя-

тельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ.

В современный период таких аудио- и видеоматериалов становится все больше. К ним, например, относятся записи с видеокамер наружного наблюдения, видеорегистраторов или любые любительские записи полностью или в части, зафиксировавшие событие преступления. В процессе доказывания такие документы выполняют функцию прямых доказательств. Однако аудио- и видеодокументы в определенных ситуациях могут выступать как косвенные доказательства и в связи с этим тоже быть признанными относительными. Такие аудио- и видеоматериалы фиксируют промежуточные факты, сами по себе не включенные в предмет доказывания, но позволяющие установить обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ.

Отдельную группу аудио- и видеодокументов составляют аудио- и видеозаписи следственных действий и судебного заседания. Поскольку они создаются при производстве следственного действия или в ходе судебного разбирательства и на основании ст. 166 УПК РФ прилагаются к его протоколу, их относимость определяется относимостью к предмету доказывания протокола следственного действия или судебного заседания.

Протокол – это основной и обязательный способ фиксации факта производства, хода и результатов любого следственного действия. Он позволяет впоследствии уяснить (реконструировать) содержание, направленность и динамику проводимых познавательных и организационно-обеспечительных приемов, формы поведения присутствующих лиц, исследовать и проверить итоги следственного действия в целях оценки относимости, допустимости, достоверности собранных (сформированных) доказательств, решения вопроса об их использовании в дальнейшем производстве по уголовному делу [4, с. 162].

Изложенное, по нашему мнению, не лишает рассматриваемую группу аудио- и видеодокументов доказательственного значения. Как следует из ст. 166 УПК РФ, материалы аудио- и видеозаписи хранятся при уголовном деле, являясь по своей сути приложением к соответствующему протоколу, и в соответствии со ст. 83 УПК РФ они, как и протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний, допускаются в качестве доказательств, если соответствуют требованиям УПК РФ [5].

Допустимость доказательств принято рассматривать как свойство, отражающее законность его получения. Законодатель признает недопустимыми любые доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ. Это в полной мере относится и к материалам аудио- и видеозаписи.

Наиболее сложным вопросом с позиций оценки аудио- и видеодокументов является установление их достоверности. Понятие достоверности доказательств в УПК РФ не раскрывается, а в толковом словаре рассматривается как «нечто, не вызывающее сомнения» [6, с. 154]. Следовательно, достоверность аудио- и видеодокументов означает отсутствие сомнений по поводу соответствия их содержания реальным событиям.

Сложность определения достоверности аудио- и видеоматериалов заключается в возможности создания их копий и «злонамеренного изменения зафиксированной на фонограмме информации без оставления следов произведенных манипуляций» [7, с. 36]. При этом под видом аутентичной копии, переписанной с исходного цифрового файла, может быть представлен файл, содержащий отредактированную или видоизмененную, модифицированную, смонтированную фонограмму. При этом установить факт внесения изменений в первоначальное содержание документа возможно только экспертным путем.

Мы полагаем, что для оценки аудио- или видеодокумента, с точки зрения

достоверности их содержания, необходимо оценить запись с позиции логичности и непротиворечивости ее содержания, ее соответствия иным доказательствам, уже имеющимся в материалах уголовного дела. Также необходимо установить способ создания документа, источник его получения, последовательность передачи аудио- и видеодокумента из рук в руки до того момента, как они были получены следователем, дознавателем, прокурором или судом.

Поскольку аудио- и видеogramмы на цифровом носителе наиболее уязвимы для подделки [8, с. 83–88], при наличии любых сомнений в их достоверности необходимо назначать компьютерно-техническую экспертизу, объек-

том которой будет как компьютерная техника, так и компьютерные носители информации.

Таким образом, материалы аудио- и видеозаписи уверенно заняли свое место в системе доказательств в уголовном процессе Российской Федерации. Бесспорно, это будет способствовать своевременному выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, а также всестороннему и полному судебному рассмотрению уголовных дел. При этом материалы аудио- и видеозаписи, как и другие доказательства, должны строго соответствовать требованиям их допустимости, относимости и достоверности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов К. И. Доказывание в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2 (3).
2. Халиков А. Н. Оперативно-розыскная деятельность: учебное пособие. М.: РИОР: Инфра-М, 2013.
3. Артамонова Е. А., Фирсов О. В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России: учебное пособие. 4-е изд. испр. и доп. М.: Инфра-М, 2014.
4. Россинский С. Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex Russica. 2017. № 10 (131).
5. Россинский С. Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81).
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2011.
7. Галяшина Е. И. Диагностика аутентичность цифровых фонограмм в фоноскопической экспертизе: возможности и пределы исследования // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1.
8. Тульских В. Д. К проблеме использования цифровой аудио и видеозаписи в уголовном процессе // Армия и общество. 2012. № 4 (32).

© Талынева З. З.

© Давыдова С. Р.

И. Х. ЕРКЕЕВ, *врио заместителя начальника учебного отдела Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)*

I. KH. ERKEEV, *acting deputy head of the training department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)*

**ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ
КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**CRIME IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY
AND CRIMINALIZATION OF RELATIONS
AS A DESTRUCTIVE FACTOR OF ECONOMIC SECURITY**

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов обеспечения экономической безопасности России. Одним из основных деструктивных факторов, направленных на экономическую безопасность, является преступность в сфере экономической деятельности и криминализация отношений. Подчеркивается, что эффективное обеспечение экономической безопасности возможно только при системном подходе и комплексном сочетании усилий субъектов, образующих государственно-правовой механизм обеспечения экономической безопасности.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, государственно-правовой механизм обеспечения экономической безопасности, преступность в сфере экономической деятельности, криминализация общественных отношений.*

Annotation. *The article is devoted to the consideration of problematic issues of ensuring the economic security of Russia. One of the main destructive factors aimed at economic security is crime in the sphere of economic activity and the criminalization of relations. It is emphasized that the effective provision of economic security is possible only with a systematic approach and an integrated combination of efforts of the subjects that form the state-legal mechanism for ensuring economic security.*

Keywords: *economic security, state-legal mechanism for ensuring economic security, crime in the sphere of economic activity, criminalization of social relations.*

Преступность и экономическое развитие государства – явления взаимосвязанные. Низкий уровень экономического развития, финансовые и экономические кризисы, крайне негативно влияющие на благополучие граждан государства, приводят к росту преступности. В структуре преступности значительную долю в этих случаях занимают преступления корыстной, корыстно-насильственной направленности. В об-

ществе усугубляется социальная напряженность.

Для современного государства в целях устранения деструктивных факторов экономической безопасности и поддержания экономического развития необходима адекватная их оценка. Экономические преступления отличаются достаточно высокой степенью общественной опасности ввиду их крайне деструктивного влияния на состояние экономики страны в целом. Следует со-

гласиться, что у большинства преступлений экономической направленности есть одна общая черта: они всегда планируются, всегда умышленные, хотя в редких случаях и совершаются по неосторожности. Подобные деяния представляют собой, с одной стороны, незаконное «проникновение» в одну из сфер экономики, которое влечет за собой негативные последствия для участников рынка. С другой – они не что иное, как незаконное «проникновение» в деловые отношения между предпринимателями-партнерами. В результате нарушается стабильность бизнеса, компания теряет свое устойчивое финансовое положение, а в этом случае ее довольно легко «уничтожить», то есть разорить [1, с. 201].

Преступность в сфере экономической деятельности имеет ряд отличительных свойств, прежде всего необходимо отметить повышенный уровень латентности. Так, отмечается, что по сравнению с январем–декабром 2016 г. на 3,4 % сократилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами (с января по декабрь 2017 года). Всего выявлено свыше 105 тысяч преступлений данной категории, удельный вес зарегистрированных преступлений в общем числе составил 5,1 % [2]. На наш взгляд, официальная статистическая отчетность не отражает реальный уровень экономической преступности и напрямую не может рассматриваться в качестве индикатора экономической безопасности.

Криминализация хозяйственных отношений наносит колоссальный ущерб налоговой, бюджетной сфере в виде сокращения доходной части бюджета государства. Трудности реальной оценки уровня криминализации отношений оказывают негативное воздействие на эффективность макроэкономической политики. Конвертация преступных доходов в иностранную валюту, вывоз ее за рубеж негативно сказываются на денежно-кредитной сфере,

ухудшают платежный баланс, стимулируют инфляцию, деформируют кредитные отношения, увеличивают инвестиционные риски [3, с. 137–141]. Как правило, исследователи выделяют политические, экономические, психологические и правовые причины преступности в сфере экономической деятельности.

В рамках данной статьи рассмотрим правовые причины. Особенности преступности в сфере экономической деятельности определяют особенности их правовой регламентации. Уголовное законодательство отчасти вынужденно носит бланкетный характер. С одной стороны, бланкетность норм уголовного законодательства требует от правоприменителя достаточно серьезных познаний в гражданском, налоговом, бюджетном, финансовом и иных отраслях права. Однако бланкетность норм уголовного законодательства способствует определенной их стабилизации, так как изменения в этих отраслях не во всех случаях требуют изменения норм уголовного законодательства.

Изменения, вносимые в уголовное, уголовно-процессуальное законодательство с целью противодействия экономической преступности, показывают отсутствие консенсуса в обществе относительно стратегии противодействия подобным преступлениям. Бессистемное внесение изменений в уголовное, уголовно-процессуальное законодательство негативно отражается на правоприменительной практике. Как отмечает Е. П. Ищенко, если проанализировать гл. 22 УК РФ, регламентирующую преступления в сфере экономической деятельности, то из 50 ее статей 4 за это время утратили силу («Лжепредпринимательство», «Заведомо ложная реклама», «Контрабанда» и «Обман потребителей»), а остальные 46 статей подверглись интенсивным изменениям: 10 статей были поправлены дважды, 11 – трижды, 12 – четырежды, 2 – пятью федеральными законами, а ст. 169 – восемью федеральными за-

конами. Кроме того, 10 статей этой главы появились в течение последних трех лет, а потому следственная практика по ним еще не наработана, методики их расследования находятся в стадии формирования [4, с. 91–99]. Формирование методики расследования преступлений предполагает анализ правоприменительной практики с целью составления криминалистической характеристики преступлений, выявления типичных следственных ситуаций и алгоритмов действий по ним, определения особенностей следственных действий на первоначальном и последующем этапах расследования преступлений. Так, в частности, необходимо определить тактические приемы, которые целесообразно применить при допросе потерпевшего, подозреваемого в совершении преступления в зависимости от складывающейся ситуации. Соответственно, нестабильность законодательства порождает необходимость внесения изменений в

разработанные методики, формирования новых методик, учитывающих тактические особенности проведения следственных действий.

Общество нуждается во взвешенной уголовной политике, обеспечивающей, с одной стороны, эффективное противодействие криминализации общественных отношений, с другой – не причиняющей ущерба легальным экономическим отношениям. В условиях рыночной экономики важно иметь законодательство, не подавляющее предпринимательскую инициативу.

Обеспечение экономической безопасности России в условиях ужесточения международного давления, принятия экономических санкций, нерешенности основных проблем экономического развития требует принятия эффективных и своевременных мер по противодействию преступности в сфере экономической деятельности и криминализации отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Е. И., Филатова И. В. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3.
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987> (дата обращения: 05.11.2018).
3. Батова В. Н., Синева Н. А. Криминализация экономических отношений как угроза экономической безопасности предприятия и государства // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. № 2 (18).
4. Ищенко Е. П. Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности // Экономическая преступность: проблемы правосудия. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015.

© Еркеев И. Х.

УДК 349

Н. Ю. КОМЛЕВ, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Казань)

N. U. KOMLEV, head of the department of civil law disciplines, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law sciences (Kazan)

Р. Р. ОТБОЕВА, слушатель 5 курса Казанского юридического института МВД России (г. Казань)

R. R. OTBOEVA, listener of the 5th course of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Kazan)

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
(В РАМКАХ ВСТУПЛЕНИЯ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ)**

**ENVIRONMENTAL SAFETY OF RUSSIA IN THE CONDITIONS
OF ECONOMIC INTEGRATION (WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE ENTRY INTO THE WORLD TRADE ORGANIZATION)**

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты членства России во Всемирной торговой организации на протяжении последних пяти лет с точки зрения обеспечения экологической безопасности страны. Раскрывается взаимосвязь экономического механизма и его экологической составляющей. Анализируются и предлагаются целесообразные пути решения рассматриваемой проблемы.*

***Ключевые слова:** экономика, торговля, экологическая безопасность, международное сотрудничество, экологическое регулирование, государственные ресурсы.*

***Annotation.** The article deals with the theoretical and practical aspects of Russia's membership in the WTO for quite a long time, to a greater extent from the point of view of the country's environmental security. The interrelation of the economic mechanism and the ecological component is revealed. Appropriate solutions to the problem are analyzed and proposed.*

***Keywords:** economy, trade, environmental safety, international cooperation, environmental regulation, public resources.*

Вступление России во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО) 22 августа 2012 года предполагало ратификацию действующих правил этой организации в разнообразных сферах деятельности. В первую очередь это ка-

сается международной торговли, в том числе правил, имеющих отношение к экологической безопасности и охране окружающей среды. При этом сегодня значительную роль в работе ВТО играют непосредственно экологические со-

ставляющие, так как различные мероприятия по защите окружающей среды или обеспечению благополучия человека взаимосвязаны с экологическими стандартами, правилами, нормами, а также введением ограничений или запретов, которые каким-либо образом соприкасаются с международной торговлей [1, с. 28].

В связи с этим представляется важным сравнительный анализ соответствия норм соглашений ВТО, контролирующей международную торговлю, и деятельности (норм), направленной (направленных) на урегулирование экологической безопасности, охрану окружающей среды, содержащихся и во внутригосударственных правовых актах стран – членов ВТО и множестве международных соглашений по охране окружающей среды, которые были заключены вне рамок ВТО. Несоответствия в действующем законодательстве в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, обнаружившиеся в ходе реализации соглашений в рамках ВТО, активизируют объективную потребность в исследовании и упорядочивании функционирующего правового поля, а также усовершенствовании настоящей нормативно-правовой базы и правоприменительной практики.

Разрешение данных вопросов объясняет потребность определенного подхода к проведению комплексного анализа норм международного права, федерального законодательства, стабилизирующего отношения в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, а также правоприменительной практики с целью формирования практических рекомендаций и совершенствования данной сферы деятельности. Данные, сформировавшиеся за время нахождения России в ВТО, к большому сожалению, не обладают необходимой глубиной для более глубоких и принципиальных оценок. Это требует выбора ретроспектив-

ного подхода к анализу основополагающих тенденций и трендов развития, что в целом характерно для исследований в сфере экологической безопасности.

Обеспечение экологической безопасности – это прерогатива не ВТО, а непосредственно нашей стратегии и тактики членства в ВТО. Имеется достаточное количество примеров, как эффективных, так и не совсем, членства стран в рамках ВТО. Для нас наиболее значимо отыскать те «точки роста», «точки устойчивости», которые помогут с вероятным успехом создать гармоничное сочетание национального законодательства и правоприменения в такой весьма щепетильной сфере, как экологическая безопасность. По мнению Н. А. Соколовой, «устойчивое развитие в рассматриваемой области, очевидно, не может быть достигнуто путем установления преимущества для торговых или экологических интересов. Следовательно, важно найти между ними баланс, когда цели развития должны достигаться путем использования мер поддержки и международного сотрудничества» [2, с. 42].

Исследование результативности деятельности системы государственных органов управления, нормотворческой и правоприменительной деятельности в сложившихся условиях государства – участника ВТО в одной из специфических сфер – экологической безопасности позволит ответить на конкретные вопросы в рамках усовершенствования правовых и экономических механизмов в области обеспечения экологической безопасности и охраны окружающей среды, что является достаточно актуальным на сегодняшний день. Поднимая вопрос об охране окружающей среды и экологических последствиях, необходимо подчеркнуть, что их довольно-таки непросто точно спрогнозировать ввиду разрозненной динамики процессов, сроков ведения тарифов, весьма трудных географических и природо-

охранных связей, воздействия политики государства и иных условий.

Меры государственной поддержки должны обладать такими характеристиками, как срочность и адекватность. В первую очередь это относится к сельским товаропроизводителям. Если брать конкретно российское экологическое законодательство, то надо отдать должное еще советскому наследию, которое более углубленно, чем, допустим, законодательство стран – членов ЕС, включая нормирование загрязняющих веществ. Современное экологическое законодательство Российской Федерации не отвечает и международным амбициям нашей страны, поскольку в силу своей «вторичности» и «рамочности» несколько тормозит развитие национальной экономики, кроме того, снижает конкурентоспособность российских компаний на мировом рынке и не содействует привлечению иностранных инвестиций в эколого-ориентированные отрасли [1, с. 55].

Для отдельных отраслей имеет место сокращение рынков, если в таких рынках, как ЕС, к примеру, смогут принять достаточно суровые экологические требования к продукции. Если смотреть на это иначе, то это способно стать стимулом в целях обновления оборудования. В качестве негативных воздействий на экологическую безопасность России можно указать на косвенное влияние на нее режима ВТО: открытие границ для экологически грязных производств, материалов, сырья и неэкологичных товаров, усиление инвазий чужеродных видов растений и животных, расширение ассортиментов ГМО-продуктов, ГМО-культур, ГМО-сырья и технологий.

Мы считаем, что важнейшей проблемой является не столько членство в ВТО, а устоявшаяся в нашей стране структура экономики и доля высокотехнологичной продукции. ВТО на словах предоставляет России большие возможности для экологизации экономики. В частности, членство ВТО, как отмечено

в ряде документов, способствует удешевлению импорта современного и более «зеленого» оборудования, технологий и услуг.

В целом имеет значение повышение доступа к полной информации других стран – членов ВТО по экологическому регулированию на основании требований ВТО. Необходимо стимулирование последующей гармонизации национального экологического законодательства с нормами международного права с целью формирования правового поля, создающего механизм реализации экологических проектов по вторичной переработке утилизации отходов производства и потребления, а также стимулирование увеличения возможностей для производства и экспорта российских экологически чистых товаров и услуг.

Участие в ВТО не исключает возможности привлечения иностранных инвестиций в современные экологически чистые производства и тем самым понижения уровня протекционизма по экологическим мотивам. Руководствуясь правилами ВТО, не запрещено инициировать судебную процедуру по разрешению споров, непосредственно связанных с применением протекционистских мер, включая субсидирование производства товаров или использования «зеленого налогообложения».

На сегодняшний день общий агропродовольственный рынок принял новый вызов и одновременно импульс к развитию, связанный с введением Российской Федерацией продовольственного эмбарго (США, ЕС, Канада, Австралия, Норвегия). Исходя из оценок экспертов ЕврАзЭС, с момента введения санкций до конца текущего года из санкционных стран при условии отсутствия запрета на ввоз товаров могло бы быть импортировано: свинины – 170 тыс. тонн (70 % от потребности в импорте России), мяса птицы – 87 тыс. тонн (60 %), сыров и творога – 133 тыс.

тонн (80 %), картофеля – 500,0 тыс. тонн (25 %) [3, с. 28].

Предложение различных вариантов импортозамещения продовольствия за счет партнеров Российской Федерации по Таможенному союзу отвечает задачам нашего интеграционного объединения – интенсификации взаимной торговли. Так, наибольшая часть дефицита указанных товаров будет покрываться с помощью импорта из третьих стран, что, несомненно, связано с угрозами в сфере экологической безопасности России.

Руководствуясь проведенными исследованиями, в интересах анализа и учета последствий для окружающей среды и требований экологической безопасности для компенсации негативных последствий от ратификации соглашений в рамках ВТО, целесообразно: провести оценку экологических последствий членства России в ВТО в рамках деятельности по мониторингу окружающей среды; провести сопоставительный анализ всех международных соглашений и обязательств России в об-

ласти обеспечения экологической безопасности (СНГ, ВТО, ЕАЭС); Счетной палате Российской Федерации в качестве главного постоянно действующего органа финансового контроля страны повторно изучить механизм (в том числе организационные вопросы, разработку соответствующей нормативной правовой и методической базы, внедрение информационно-аналитических технологий стратегического аудита и т. д.) проверки законности и эффективности финансирования федеральных программ в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, в том числе с учетом вступления России в ВТО.

В современных условиях только через повышение эффективности использования государственных ресурсов, достижений науки, переход на инновационный путь развития и на новые технологии можно обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие и благоприятную для человека окружающую среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Проблемы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности Российской Федерации при осуществлении интеграционной деятельности // Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения. II Московский юридических форум (Кутафинские чтения) (2–4 апреля 2015 г. Москва): материалы круглых столов: в 2 ч. М.: Проспект, 2016. Ч. 2.

2. Аверьянова Е. Г. Продовольственная безопасность государств – членов ТС и ЕЭП в условиях формирования ЕАЭС // Актуальные проблемы совершенствования правового обеспечения продовольственной безопасности России: материалы круглого стола. Аналитический центр при Правительстве РФ. М., 2016.

3. Вступление Казахстана в ВТО: вопросы экологии // Молодой ученый. 2014. № 1 (3).

© **Комлев Н. Ю.**

© **Отбоева Р. Р.**

УДК 349.24:613.6(470)

Г. Р. ИГБАЕВА, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

G. R. IGBAEVA, assistant professor of the department of civil disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law, assistant professor (Ufa)

З. Р. ШАКИРОВА, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

Z. R. SHAKIROVA, senior lecturer of the department of history and theory of state and law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law (Ufa)

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГАРАНТИЙ (КОМПЕНСАЦИЙ)
РАБОТНИКАМ, ЗАМЕЩАЮЩИМ ДОЛЖНОСТИ
ВО ВРЕДНЫХ УСЛОВИЯХ ТРУДА**

**THE LEGAL BASIS FOR THE PROVISION OF GUARANTEES (COMPENSATION)
EMPLOYEES WORKING IN HAZARDOUS CONDITIONS**

Аннотация. Статья содержит анализ действующих норм права, разъяснений, изложенных в письмах Минтруда России, определяющих основания предоставления гарантий (компенсаций) работникам, замещающим должности во вредных условиях труда. С учетом анализа правоприменительной практики определяется критерий отнесения условий труда к вредным.

Ключевые слова: условия труда, вредные условия труда, специальная оценка условий труда, работодатель, рабочее место, работник, охрана труда, гарантии и компенсации.

Annotation. The article contains an analysis of the existing rules of law, the explanations set out in the letters of the Ministry of labor of Russia, determining the basis for the provision of guarantees (compensation) to employees who replace positions in harmful working conditions. Taking into account the analysis of law enforcement practice, the criterion of classifying working conditions as harmful is determined.

Keywords: working conditions, harmful working conditions, special assessment of working conditions, employer, workplace, employee, labor protection, guarantees and compensation.

Трудовое законодательство предусматривает, что одним из последствий специальной оценки условий труда является предоставление гарантий (компенсаций) работникам, замещающим должности во вредных или опасных условиях труда. Представляется необходимым уточнить правовые основы предоставления гарантий (компенсаций) работникам, замещающим должности во вредных условиях труда. На территории России до принятия действующего Трудового кодекса право на гарантии и компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда устанавливалось в соответствии с принятыми в СССР актами (постановлением Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 25 октября 1974 г. № 298/П-22).

При отсутствии в них должности (профессии) работника применялось постановление Правительства РФ от 20 ноября 2008 г. № 870 «Об установлении сокращенной продолжительности рабочего времени, ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска, повышенной оплаты труда работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными и иными особыми условиями труда», которое утратило силу в связи с действием постановления Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 726.

С 2014 года правовые и организационные основы и порядок проведения специальной оценки условий труда, правовое положение, права, обязанности и ответственность участников специальной оценки условий труда устанавливаются Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» (ч. 2 ст. 1) (далее – ФЗ 426).

К числу основных обязанностей работодателя трудовое законодательство относит обязанность обеспечивать безопасные условия и охрану труда (ст. 212 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)) с проведе-

нием специальной оценки условий труда в соответствии с ФЗ 426.

Как отмечает В. П. Юшин, «смысл спецоценки заключается в том, что работодатель через приглашенную независимую специализированную организацию проводит анализ состояния условий труда на заранее определенных рабочих местах. Это делается для:

- выявления вредных и (или) опасных производственных факторов;
- оценки уровня воздействия таких факторов на работника;
- определения степени отклонения полученных значений от установленных нормативов;
- оценки эффективности применения средств индивидуальной и коллективной защиты работников» [1].

Однако многие работодатели до сих пор не провели специальную оценку условий труда. В этой связи очень важно помнить, что в 2018 году заканчивают действие результаты аттестации рабочих мест.

В соответствии со ст. 14 ФЗ 426 условия труда по степени вредности и (или) опасности подразделяются на четыре класса: оптимальные, допустимые, вредные и опасные.

Установление условий труда 3-го класса 2-ой степени означает, что на работника воздействуют вредные и (или) опасные производственные факторы, уровни воздействия которых способны вызвать стойкие функциональные изменения в организме работника, приводящие к появлению и развитию начальных форм профессиональных заболеваний или профессиональных заболеваний легкой степени тяжести (без потери профессиональной трудоспособности), возникающих после продолжительной экспозиции (пятнадцать и более лет) (п. 2 ч. 4 ст. 14 ФЗ 426).

Как отмечает Ю. А. Доценко, «при изменении условий трудового договора в части условий труда на рабочем месте и исключении из трудового договора гарантий и компенсаций за ра-

боту с вредными и (или) опасными условиями труда усматривается, что необходимо заключение дополнительного соглашения к трудовому договору в письменной форме» [2].

В дополнительных соглашениях необходимо обозначить условия труда на рабочем месте в соответствии с результатом спецоценки условий труда, а также отсутствие гарантии и компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если они не отнесены к уровню вредности, влекущему право работника на гарантии и компенсации.

Правовым последствием признания условий труда на рабочем месте к 3-му или 4-му классу вредности по результатам специальной оценки относят обязанность работодателя предоставить работникам определенные гарантии (компенсации). К числу основных гарантий и компенсаций за работу во вредных условиях законодатель относит: соответствующую надбавку за вредность (ст. 147 гл. 21 разд. VI ТК РФ); дополнительный отпуск (ст. 117 гл. 19 разд. V ТК РФ); сокращение рабочего времени (ст. 92 гл. 15 разд. IV ТК РФ); получение молока и других равноценных пищевых продуктов (пп. 264, 514 разд. 1 прил. 3 приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 16 февраля 2009 г. № 45н); право на досрочное назначение трудовой пенсии (ст. 30 гл. 6 ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ); медицинские осмотры (пп. 3.5, 1.2.37 прил. 1, п. 18 прил. 2 приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 апреля 2011 г. № 302н).

Правовое регулирование гарантий (компенсаций) за работу во вредных условиях осуществляется Трудовым кодексом РФ, а именно ст.ст. 92, 117, 147. Данные статьи являются основными нормами, в соответствии с которыми предоставляются компенсации работникам. Кроме нормативных актов, весомое значение в формировании правоприме-

нительной практики предоставления гарантий и компенсаций за вредные условия имеют разъяснения, изложенные в письмах Министерства труда Российской Федерации от 16 декабря 2015 г. № 15-1/ООГ-6372, от 21 октября 2015 г. № 15-1/В-4549, содержащие разъяснения по вопросу предоставления гарантий (компенсаций) работникам, занятым на работах во вредных (опасных) условиях труда.

В частности, Министерство труда Российской Федерации разъяснило, что в связи с введением специальной оценки условий труда результаты аттестации рабочих мест по условиям труда действительны в течение пяти лет с момента ее завершения, но не более чем до 31 декабря 2018 г. В этой связи часто возникающий вопрос о возможности снижения уровня гарантий и компенсаций, например непредставления дополнительного отпуска, решается в пользу работников. Работникам с вредными условиями труда, выявленными по результатам аттестации рабочих мест, нельзя отменить гарантии и компенсации до проведения спецоценки.

На применение норм в рассматриваемой сфере оказывает влияние и правоприменительная практика, в частности решение Верховного Суда РФ от 14 января 2013 г. № АКПИ12-1570. Данное решение содержит важное разъяснение, касающееся критериев отнесения условий труда к вредным. Верховный Суд РФ решил, что работники, занятые на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, конкретные условия труда которых признаны по результатам специальной оценки рабочих мест вредными, по действующему законодательству РФ имеют право на предоставление им гарантий и компенсаций, а невключение профессии, должности в какой-либо список или перечень производств, работ, профессий и должностей, работа в которых дает право на соответствующие компенсации, не лишает их такого права [2].

Сложившаяся правоприменительная практика в качестве критерия отнесения условий труда к вредным относит результаты специальной оценки, а не включение должности (профессии) в какой-либо список или перечень производств, работ, профессий и должностей, работа в которых дает право на соответствующие компенсации [3].

Вопрос критерия отнесения условий труда к вредным представляется весьма актуальным и имеющим практическую значимость. В условиях, когда

правовое регулирование предоставления отдельных гарантий и компенсаций в определенной степени носит диспозитивный характер, например: выплата надбавок за вредность, списки и перечни должностей (профессий), работ с вредными условиями труда четко не регламентированы, все чаще появляются спорные ситуации, когда работник в силу своих субъективных оценочных суждений полагает, что его работа связана с вредными условиями труда, а работодатель убежден в обратном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ющин В. П. Как быть, если спецоценка выявила вредные условия труда? // Отдел кадров коммерческой организации. 2017. № 5.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 10.
3. Игбаева Г. Р., Шакирова З. Р. Правовые основы отнесения служебной деятельности по должности сотрудника органов внутренних дел к вредным условиям с целью предоставления им гарантий и компенсаций // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11.

© Игбаева Г. Р.

© Шакирова З. Р.

УДК 339.186

Э. Х. РАХИМОВ, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

E. KH. RAKHIMOV, head of the department of history and theory of state and law of the Ufa Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, candidate of law, associate professor (Ufa)

К ВОПРОСУ ОБ ОДОБРЕНИИ СДЕЛОК ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

TO THE QUESTION OF APPROVAL OF TRANSACTIONS IN THE IMPLEMENTATION OF STATE PURCHASES

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, возникающие при необходимости отклонения заявок участников конкурентных процедур закупок, не представивших документы об одобрении крупной сделки, либо участников, чьи решения не соответствуют законодательству.

Ключевые слова: контракт, государственные закупки, одобрение крупной сделки.

Annotation. The article deals with issues that arise when it is necessary to reject applications from participants in competitive procurement procedures who have not submitted documents confirming the approval of a major transaction, or participants whose decisions do not comply with the law.

Keywords: contract, government procurement, approval of a major transaction.

В практике государственных закупок нередко возникают сложности с применением положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон 44-ФЗ), касающихся института одобрения крупных сделок.

В соответствии с п/п. «е» п. 1 ч. 2 ст. 51 и п. 4 ч. 5 ст. 66 Закона 44-ФЗ заявки на участие в открытом конкурсе или электронном аукционе должны содержать, в том числе решение об одобрении или о совершении крупной сделки либо копию такого решения в случае, если требование о необходимости наличия такого решения для совершения крупной сделки установлено законодательством Российской Федерации, учредительными документами юридического лица и для участника открытого конкурса поставка товара, выполнение работы или оказание услуги, являющихся предметом контракта, либо внесение денежных средств в качестве обеспечения заявки на участие в открытом конкурсе, обеспечения исполнения контракта является крупной сделкой.

Пунктом 8 ч. 2 ст. 62 Закона 44-ФЗ установлено, что в реестре участников электронного аукциона, получивших аккредитацию на электронной площадке должно содержаться решение об одобрении или о совершении по результатам сделок от имени его участника – юридического лица с указанием информации о максимальной сумме одной сделки в соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 61 Закона 44-ФЗ.

Какие же критерии имеются для определения крупной сделки?

В силу ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон № 14-ФЗ) крупной сделкой считается сделка (несколько взаимосвязанных сделок), выходящая за пределы обычной хозяйственной деятельности и при этом:

– связанная с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества (в том числе заем, кредит, залог, поручительство, приобретение такого количества акций, цена или балансовая стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату;

– предусматривающая обязанность общества передать имущество во временное владение и (или) пользование либо предоставить третьему лицу право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации на условиях лицензии, если их балансовая стоимость составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату.

Согласно ч. 3 ст. 46 Закона 14-ФЗ принятие решения о согласии на совершение крупной сделки является компетенцией общего собрания участников общества, однако необходимо учитывать, что в силу ч. 7 ст. 46 указанного закона положения ст. 46 не применяются:

– к обществам, состоящим из одного участника, который одновременно

является единственным лицом, обладающим полномочиями единоличного исполнительного органа общества;

– к отношениям, возникающим при переходе к обществу доли или части доли в его уставном капитале в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

– к отношениям, возникающим при переходе прав на имущество в процессе реорганизации общества, в том числе по договорам о слиянии и договорам о присоединении;

– к сделкам, совершение которых обязательно для общества в соответствии с федеральными законами и (или) иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, расчеты по которым производятся по ценам, определенным в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, или по ценам и тарифам, установленным уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, а также к публичным договорам, заключаемым обществом на условиях, не отличающихся от условий иных заключаемых обществом публичных договоров;

– к сделкам по приобретению акций (иных эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции) публичного общества, заключаемым на условиях, предусмотренных обязательным предложением о приобретении акций (иных эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции) публичного общества;

– к сделкам, заключенным на тех же условиях, что и предварительный договор, если такой договор содержит все сведения, предусмотренные п. 3 настоящей статьи, и было получено согласие на его заключение в порядке, предусмотренном настоящей статьей.

При этом ч. 8 ст. 46 Закона об обществах установлено, что по умолчанию все сделки являются не выходящими за пределы обычной хозяйственной деятельности, если сделки не приводят к прекращению деятельности общества

или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов.

Необходимо отметить, что по практике Федеральной антимонопольной службы одним из условий, которым должна отвечать сделка, не выходящая за пределы обычной хозяйственной деятельности, является наличие вида деятельности, связанного с предметом закупки в уставе организации и, соответственно, в Едином государственном реестре юридических лиц [1].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» для квалификации сделки как крупной необходимо одновременное наличие у сделки на момент ее совершения двух признаков:

1) количественного (стоимостного): предметом сделки является имущество, в том числе права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (далее – имущество), цена или балансовая стоимость (в случае передачи имущества во временное владение и (или) пользование, заключения лицензионного договора – балансовая стоимость) которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату;

2) качественного: сделка выходит за пределы обычной хозяйственной деятельности, т. е. совершение сделки приведет к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов (п. 4 ст. 78 Закона об акционерных обществах, п. 8 ст. 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью). Например, к наступлению таких последствий может привести продажа (передача в аренду) основного производственного актива общества. Сделка также может быть квалифицирована как влекущая существенное изменение мас-

штабов деятельности общества, если она влечет для общества существенное изменение региона деятельности или рынков сбыта.

Устанавливая наличие данного критерия, следует учитывать, что он должен иметь место на момент совершения сделки, а последующее наступление таких последствий само по себе не свидетельствует о том, что их причиной стала соответствующая сделка и что такая сделка выходила за пределы обычной хозяйственной деятельности. При оценке возможности наступления таких последствий на момент совершения сделки судам следует принимать во внимание не только условия оспариваемой сделки, но и иные обстоятельства, связанные с деятельностью общества в момент совершения сделки. Например, сделка по приобретению оборудования, которое могло использоваться в рамках уже осуществляемой деятельности, не должна была привести к смене вида деятельности.

В связи с этим возникает вопрос: «Правомерно ли отказывать в допуске к участию в закупке участнику, не представившему решение об одобрении крупной сделки (или копию такого решения), либо в случае, если истек срок его действия?». Как было ранее отмечено, в зависимости от организационно-правовой формы участник на основании своих учредительных документов самостоятельно определяет, является ли сделка для него крупной.

Судебно-арбитражная практика по данному вопросу достаточно противоречива. Так, постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 20 марта 2018 г. № Ф09-765/18 по делу № А07-22006/2016 [2] судом сделан вывод о том, что заявка участника должна содержать решение об одобрении или о совершении крупной сделки либо документы, подтверждающие отсутствие обязанности ее одобрения. В то же время в постановлении шестнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 15 апреля 2015 г. № 16АП-700/2015 по де-

лу № А63-8107/2014 [3] отмечено, что если участник закупки в составе заявки не представил решение о совершении крупной сделки или его копию, то подразумевается, что данная сделка не является для него крупной.

Также судами отмечается, что Закон 44-ФЗ не обязывает участника документально подтверждать, будет ли сделка на поставку товаров (выполнение работ, оказание услуг), которые входят в предмет закупки, являться крупной. Требовать от участника предоставления документов и сведений, не предусмотренных в ч. 2. ст. 51 названного Закона, не допускается [4].

Согласно ч. 1 ст. 69 Закона 44-ФЗ аукционная комиссия проверяет вторые части заявок на участие в электронном аукционе и документы, направленные заказчику оператором электронной площадки согласно ч. 19 ст. 68 настоящего Федерального закона на соответствие их требованиям, установленным документацией о таком аукционе.

Основания для признания заявки участника закупки несоответствующей требованиям, установленным документацией об электронном аукционе, перечислены в ч. 6 ст. 69 Закона 44-ФЗ.

Пунктом 4 ч. 5 ст. 66 Закона 44-ФЗ предусмотрено предоставление участником аукциона в составе второй части заявки решения об одобрении или о совершении крупной сделки либо копии данного решения в случае, если требование о необходимости наличия данного решения для совершения крупной сделки установлено федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и (или) учредительными документами юридического лица и для участника такого аукциона заключаемый контракт или предоставление обеспечения заявки на участие в таком аукционе, обеспечения исполнения контракта является крупной сделкой.

В соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 62 Закона 44-ФЗ в реестре участников, по-

лучивших аккредитацию на электронной площадке, должно содержаться решение об одобрении или о совершении сделок по результатам аукционов от имени участника аукциона – юридического лица с указанием информации о максимальной сумме одной сделки. Данное решение и указание максимальной суммы одной сделки предоставляется участником аукциона при аккредитации.

Таким образом, в Законе 44-ФЗ разделены два понятия: 1) решение об одобрении или о совершении крупной сделки (которое участник предоставляет по своему усмотрению, если сделка для него является крупной) должно предоставляться в случаях, предусмотренных Законом 14-ФЗ; 2) решение об одобрении или о совершении сделок по результатам аукционов предоставляется обязательно в составе аккредитационных документов соответствии с п. 8. ч. 2 ст. 62 Закона 44-ФЗ, причем на данный вид решения не следует распространять действие Закона 14-ФЗ.

При рассмотрении спорных вопросов с данным документом комиссиям заказчика необходимо, во-первых, руководствоваться принципом обеспечения конкуренции, заложенным в ст. 8 Закона 44-ФЗ, и не отклонять заявки участников, если имеются сомнения в правомерности таких действий. В том случае, если участником закупки при-

ложено одобрение крупной сделки с истекшим сроком действия, необходимо обратиться к аккредитационным документам и проверить максимальную сумму одной сделки по результатам аукционов. Если данная сумма не превышена по результатам торгов, заявку отклонять нельзя. В том случае, если сумма по результатам аукциона превышает заявленную, а у представленного участником в виде отдельного документа одобрения крупной сделки истек срок действия, то такую заявку необходимо признавать несоответствующей на основании п. 1 ч. 6 ст. 69 Закона 44-ФЗ в связи с наличием недостоверной информации об участнике аукциона [5]. Однако не следует отклонять заявку участника на основании применения положений Закона 14-ФЗ, например, в части срока действия решения, к решению, прилагаемым к заявке в составе аккредитационных документов.

Потенциальным участникам закупок с учетом нечеткой законодательной формулировки можно рекомендовать с целью снижения риска отклонения включать в состав заявки одобрение совершаемых сделок с обязательной проверкой его актуальности, учитывая ограниченный срок его действия, а также производимые изменения в составе учредителей юридического лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решение УФАС по ХМАО-Югре №03/КА-117 от 9 января 2018 г. // Официальный сайт ЕИС. URL: <http://zakupki.gov.ru> (дата обращения: 31.08.2018).
2. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20 марта 2018 г. № Ф09-765/18 по делу № А07-22006/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.08.2018).
3. Постановление Арбитражного апелляционного суда от 15 апреля 2015 г. № 16АП-700/2015 по делу № А63-8107/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.08.2018).
4. Хисматуллин О. Ю., Арутюнян М. С., Рахимов Э. Х. Особенности осуществления государственных закупок для нужд ОВД: правовые и организационные аспекты. Уфа, 2017.
5. Решение УФАС России по Республике Башкортостан № ГЗ-848/18 от 8 августа 2018 г. // Официальный сайт ЕИС. URL: <http://zakupki.gov.ru/controls/documentComplaintDownload?documentid=4286155> (дата обращения: 31.08.2018).

© Рахимов Э. Х.

УДК 811.161.1

В. Ю. БАЙМИЕВА, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)

V. Y. BAİMIEVA, associate professor of the department of foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of philological sciences, associate professor (Ufa)

**ИЗУЧЕНИЕ ВИДОВ ГЛАГОЛА
НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

**STUDYING THE TYPES OF VERB AT RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES**

Аннотация. В статье рассматривается методика обучения иностранных слушателей использованию глаголов совершенного и несовершенного вида на элементарном уровне освоения русского языка. Представлены способы образования видовых пар глаголов, приведены языковые упражнения для закрепления данного материала.

Ключевые слова: совершенный и несовершенный вид глагола, временные формы глагола.

Annotation. The article deals with the method of teaching foreign students to use perfect and imperfect verbs at the elementary level of the Russian language. The author presents ways of formation of species pairs of verbs and provides exercises in the given language to consolidate the material.

Keywords: perfect and imperfect form of the verb, temporary forms of the verb.

Ни у кого не возникает сомнения, что довольно сложным аспектом при изучении русского языка иностранными слушателями является грамматика. Иностранцам сложно постигать как большое количество грамматических правил, так и большое количество исключений из них. И конечно же, одна из самых трудных грамматических тем, по мнению исследователей, в обучении русскому языку как иностранному – глаголы несовершенного и совершенного вида (далее – НСВ, СВ) [1], так как категория вида глагола не свойственна многим другим языкам. Трудность свя-

зана с тем, что иностранным слушателям сложно не только запомнить способы образования глаголов, но и правильно употребить глаголы НСВ в общефактическом значении, когда наблюдается разобщенность действия, имевшего место в прошлом, с моментом высказывания, когда заявляется только тот факт, что данное действие совершилось в прошлом, безотносительно к каким-либо событиям, которые последовали за этим действием, т. е. вне какой-то конкретной ситуации.

Общефактическое значение, как и конкретно-фактическое значение глаго-

лов, раскрывается только в определенном контексте, поэтому при изучении темы необходимо показывать основные функции видов глагола на конкретных примерах.

На элементарном уровне при изучении глаголов НСВ и СВ объяснение материала надо начинать с того, когда и в каких ситуациях мы используем данные глаголы. Это значит, что необходимо определить значения глаголов.

Глаголы НСВ обозначают:

- 1) процесс действия (действие, которое продолжается в течение какого-то времени действия);
- 2) повторяющееся действие (обычное или повторяющееся в течение какого-то времени действие);
- 3) констатация одного факта;
- 4) два факта в одно время;
- 5) отрицание действия.

Глаголы СВ обозначают:

- 1) результат действия (законченное действие в прошлом или будущем, которое имеет или будет иметь результат);
- 2) одно-единственное действие (единичное действие в прошлом или будущем времени);

3) последовательные действия.

Показывая различия в значении глаголов, необходимо сразу предложить иностранным слушателям слова-сигналы, которые помогут правильно использовать вид глагола. Например, для НСВ это следующие слова: всегда, часто, иногда, редко, обычно, каждый день, никогда, долго, недолго, 2 (3, 4) часа, весь день, целый день, всю жизнь. Для СВ такими словами будут: в конце концов, наконец, вдруг, сразу, неожиданно.

Следующим шагом в изучении темы будет объяснение способов образования видовых пар глаголов. Известно, что существует несколько способов образования видовых пар глаголов. Во-первых, СВ образуется от НСВ с помощью приставок: инфинитив НСВ + приставка = СВ. Самые распространенные приставки: про-; у-; по-; за-; на-; при-; с-; вы-. Во-вторых, с помощью суффиксов: инфинитив СВ + суффикс = НСВ; самые распространенные суффиксы: -ива, -ыва, -ва, -а, -я. Для лучшего запоминания можно предложить иностранным слушателям таблицу.

Несовершенный вид	Совершенный вид	
Глаголы без приставки / Глаголы с приставкой		
Делать Мочь Есть	С	Сделать Смочь Съесть
Гулять Звонить Слушать Смотреть Знакомиться	ПО	Погулять Позвонить Послушать Посмотреть Познакомиться
Болезнь Платить Хотеть	ЗА	Заболеть Заплатить Захотеть
Видеть Слышать	У	Увидеть Услышать
Писать Рисовать	НА	Написать Нарисовать
Готовить	ПРИ	Приготовить
Читать	ПРО	Прочитать

Пить Учить	ВЫ	Выпить Выучить
Глаголы с суффиксом -ЫВА, -ИВА, -ВА / Глаголы без суффикса		
Давать Сдавать Забывать Открывать Спрашивать Опаздывать Рассказывать		Дать Сдать Забыть Открыть Спросить Опоздать Рассказать
Глаголы с суффиксом -А, -Я / Глаголы с суффиксом -И		
Изучать Отвечать Получать Повторять Приглашать		Изучить Ответить Получить Повторить Пригласить

Необходимо отметить исключения: инфинитив НСВ + суффикс -ну = СВ (отдыхать – отдохнуть), иногда образование НВС сопровождается чередованием примыкающей согласной (спрашивать – спросить), чередованием гласной в корне (заканчивать – закончить). Существуют также особые слу-

чай образования пар, при котором не предполагается знание правила. Эти пары необходимо запомнить. Такие случаи делятся на две группы: 1) разные глаголы (глагол другого вида – новое слово), например, говорить – сказать; 2) изменения в корне, например, покупать – купить.

Несовершенный вид	Совершенный вид
Начинать	Начать
Начинаться	Начаться
Понимать	Понять
Отдыхать	Отдохнуть
Покупать	Купить
Говорить	Сказать
Брать	Взять

Далее необходимо, используя таблицу, перейти к объяснению временных форм. Глаголы НСВ имеют все временные формы, глаголы СВ не имеют форм настоящего времени, способ образования прошедшего времени у глаголов НСВ и СВ совпадает, способ образования будущего времени – различный. При дальнейшем изучении употребления глаголов НСВ и СВ необходимо указать на то, что глаголы НСВ обозначают два одновременных действия в настоящем, прошедшем или будущем времени:

– Студенты шли по улице и разговаривали.

Глаголы СВ обозначают два последовательных действия в прошедшем или будущем времени:

– Мы пообедали и пошли в библиотеку.

Важно также отметить, что, если единичное действие происходит во время действия процесса, употребляются глаголы разных видов:

– Когда мы смотрели фильм, пришел мой друг.

С глаголами начинать/начать, продолжать/продолжить, кончать/кончить, нравиться/понравиться, учиться/научиться, уметь, не хотеть и другими употребляются только глаголы несовершенного вида:

– Я начал готовить ужин; мне нравится читать книги; он не хочет смотреть фильм.

Для качественного усвоения иностранными слушателями данной темы можно порекомендовать записывать глаголы в отдельную тетрадь. В методике преподавания русского языка как иностранного считается целесообразным не одноразовое (линейное) предъявление темы, а трехразовое. Это позволяет вводить грамматическую тему постепенно, не перегружая иностранных слушателей, и в конце периода обучения получить запланированный результат. При этом в иностранной аудитории анализ грамматического материала проводится с учетом анализа функционирования единицы в речевой деятельности.

Недостаточное внимание к грамматическому аспекту изучения русского языка как иностранного ведет к загрязнению речи иностранных слушателей, их многочисленным ошибкам, затрудняет нормальное общение на русском языке [2, с. 125]. После объяснения закономерностей образования и использования видовых пар иностранным слушателям предлагаются языковые упражнения, которые обеспечат закрепление данного материала [3].

Обычно используются следующие виды языковых упражнений:

- заполнение пропусков в предложении (вставить глаголы НСВ и СВ);
- выбор правильной формы глагола из предложенных;
- трансформация предложений (на основе образа);
- образование одной грамматической формы от другой (раскрыть скобки, употребляя соответствующую грамматическую форму).

При изучении базового уровня освоения русского языка иностранным слушателям можно вводить понятие непарных глаголов, то есть глаголов, у которых нет видовой пары. Такие глаголы имеют или только совершенный вид, не соотносящийся с несовершенным, или только несовершенный вид, не соотносящийся с совершенным.

В изучении одновидовых глаголов также наблюдаются некоторые сложности. Иностранные слушатели должны понять, что одновидовые глаголы совершенного вида обозначают стремительность действия, мгновенность действия, его результативность, могут показывать лишь какой-то момент действия или смену одного состояния другим: очнуться, молвить, ринуться, хлынуть, встрепенуться, грянуть, кануть, рухнуть, ринуться, соскучиться, состояться и др. В то время как одновидовые глаголы НСВ выражают действия, которые ни коим образом не связаны с результатом или с каким-то одним моментом действия: преследовать, руководить, утверждать, состоять, заведовать, находиться, зависеть, предвидеть, присутствовать, значить, отрицать, ожидать и др.

В самую последнюю очередь иностранным слушателям вводится понятие двухвидовых глаголов, которые в определенном контексте выступают или как глаголы СВ, или как глаголы НСВ: арестовать, атаковать, заимствовать, женить, жениться, расследовать, образовать, организовать, ранить, заимствовать, гарантировать, велеть, использовать, воздействовать. Например: Оперативники сегодня расследовали кражу ювелирных изделий (СВ). Оперативники часто расследовали кражи ювелирных изделий (НСВ).

Таким образом, поэтапное изучение глаголов НСВ и СВ, система упражнений, обеспечивающих закрепление материала, помогут выработать у иностранных слушателей навыки употребления видовых пар глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Занин В. Ф. Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 2005.
2. Русский язык как иностранный: методика обучения русскому языку: учебное пособие для высших учебных заведений / Г. М. Васильева [и др.]; под ред. И. П. Лысаковой. М.: Гуманитар. изд. Центр Владос, 2004.
3. Бикмаева Л. У., Михайлова А. Г. Русский глагол: правила и упражнения: учебное пособие. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016.

© Баймиева В. Ю.

УДК 81'373

Л. Ф. НАФИКОВА, преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

L. F. NAFIKOVA, teacher of the department of foreign and russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

SOCIO-CULTURAL COMPONENT IN THE ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISING TEXT

Аннотация. Актуальность данной статьи обусловлена всевозрастающим интересом к проблеме «язык-культура», которая выражается в появлении ряда работ, представляющих лингвокультурологическое изучение всех уровней языка. Лингвокультурологический подход к анализу рекламных текстов является наиболее продуктивным, поскольку именно в семантике рекламных текстов, к числу которых относятся разного рода рекламные объявления, в силу их непосредственной связи с каждодневной жизнью народа, культурный компонент выражен наиболее ярко.

Ключевые слова: рекламный текст, реклама, социокультурный компонент.

Annotation. The relevance of this article is determined by the ever-increasing interest in the problem of «language-culture», which is expressed in the emergence of a number of works representing linguoculturological study of all levels of language. Linguoculturological approach to the analysis of advertising texts is the most productive, as it is in the semantics of advertising texts, which include all sorts of advertisements, because of their close connection with the everyday life of the people, the cultural component is expressed most vividly.

Keywords: advertising text, advertising, socio-cultural component.

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется

усиленным интересом к единицам языка, отражающим сложный процесс взаимо-

обусловленного развития национальной культуры и языка. К таким единицам относятся рекламные тексты. Это обусловлено тем, что реклама широко вошла в различные сферы повседневной жизни – социальную, экономическую, политическую. Следует отметить, что тексты массовой коммуникации, или медийные тексты, включающие в себя все рекламные тексты, являются одной из самых распространенных форм языковой реализации.

В последнее время увеличилось количество работ, посвященных различным аспектам английской рекламы. На сегодняшний день рекламные тексты на английском языке изучены подробнее других. Как отмечает Е. А. Петрова, «исследование текста только средствами лингвистики оказывается неудачным – созданные модели являются бедными или чрезмерно усложненными и в силу этого не дают адекватного описания самого текста» [1, с. 176]. Исходя из этого, базой для исследования рекламного текста могут послужить постулаты не только лингвистики, но и психологии, социологии, социолингвистики, семиотики, культурологии и других наук.

Итак, реклама – это особая сфера речевой деятельности, продуктом которой являются рекламные тексты. Большинство определений рекламного текста отражают его направленность на конкретную группу лиц, обращение к интересам и потребностям его участников, а также пропаганду рекламируемых товаров или услуг. В работах И. Г. Морозовой, Ю. К. Пироговой, Н. В. Ученовой, Л. Г. Фещенко реклама рассматривается как многофункциональное явление, связывающее социально-экономическую информацию, социально-гуманитарную и социокультурную природу. Именно поэтому сейчас можно говорить о рекламе как о новом явлении, т. е. как о социокультурном явлении, отражающем, с одной стороны, торговое предложение коммерческого плана, ориентирующее потребителей и формирую-

щее их социальные намерения, а с другой – дающем потребителю как субъекту массового сознания идейно-эстетическую детерминированную идею совершенных жизненных кодов современности.

По мнению Л. В. Лебедевой, реклама как массовое социальное явление имеет большой культурный потенциал и играет важную роль не только с точки зрения развития так называемой массовой культуры, но и традиционной культуры [2, с. 56].

Таким образом, реклама – это форма коммуникации, оплачиваемая частными лицами или компаниями с целью оказания влияния на людей, чтобы они думали или действовали определенным образом, или для предоставления информации. Цель большинства объявлений – убедить клиентов покупать товары или услуги, предлагаемые рекламодателем. Реклама – это многовековая практика, восходящая к древней Греции и Риму. Она возникла из-за необходимости рассказать людям о товарах, услугах или событиях. Реклама сейчас – многомиллионная индустрия. Компании инвестируют огромные суммы, запуская новые продукты, используя очень сложные методы и убедительный язык.

Классификации рекламных текстов весьма различны, и типы рекламных текстов зависят от выбранной классификации. Вид рекламного текста может зависеть от его функций, коммуникативного типа, характеристики рекламируемого товара и т. д. Например, в зависимости от целей и задач рекламы бывают информативными, убеждающими и ориентированными на покупку. Мы в своей работе обратились к лингвокультурологическому анализу текстов печатной рекламы, чья словесная структура обычно включает в себя слоган, заголовок, основной рекламный текст и эхо-фразу. Отметим, что каждый из этих структурных элементов выполняет определенные функции.

В русле лингвокультурологического исследования указанные единицы именуется социокультурными компонентами или лингвокультурами. Понятие «лингвокультура» было введено В. В. Воробьевым как аналог фонемы и морфемы. Сравнивая лингвокультуру со словом, В. Воробьев пришел к выводу о том, что слово принадлежит языку, а лингвокультура – объективному миру. Лингвокультура, в отличие от слова, включает в себя как языковое значение, так и культурный смысл. Для объяснения сходства и различия между словами и лингвокультурами В. В. Воробьев обращается к концепции Потебни.

Существуют и другие, практически идентичные понятия. Так, С. В. Иванова считает, что культурная составляющая материализуется в речи. Речь становится лакмусовой бумажкой лингвокультурологического элемента, с другой стороны, этот элемент фиксируется в сознании говорящих. Автор приходит к выводу о том, что культурный компонент материализуется в речи и существует на уровне языка. На уровне речи – это взаимодействие культурных элементов различных уровней языковой системы и различных степеней узуализации.

В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвилова использовали термин «логоэпистема» (логос «слово, речь, учение + эпистема «знание, понимание») – это языковое выражение, которое воплощается социальной памятью отражения реальности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культуры. Логоэпистемы имеют когнитивный смысл, некоторое знание, некоторую информацию [3, с. 6].

А. Вежбицкая в своей работе ссылается на термин «ключевые слова». Ключевые слова особенно важны и показательны для единой культуры. Например, в книге «Семантика, культура и познание» автор пытается показать, что

в русской культуре особое значение имеют такие слова, как судьба, душа и тоска [4, с. 87].

В. Телия вводит понятие культурной коннотации, которое является базовым для лингвокультурологии. Рассматривая культурные коннотации как способ реализации культуры в языковом знаке, В. Телия трактует денотативные, образно-мотивированные аспекты значения в категориях культуры [5, с. 91].

Социокультурная составляющая является эффективным средством передачи смысла, эмоционального и убедительного воздействия на слушателя, создания современного дискурса. Смысл социокультурной составляющей заключается в том, что она позволяет ярко, образно, с помощью исторического опыта и культуры народа выражать мысли и чувства людей. Это достижимо в отношениях с людьми, которые обладают таким же или хотя бы подобным набором социокультурной составляющей. При изучении социокультурного компонента выделен социокультурный компонент, локализованный на трех уровнях – синтактике, семантике и прагматике. Как и любая многосимвольная система, рекламный текст состоит из трех компонентов.

Синтактика характеризует отношение одного знака к другому или другим. Например: «Наша компания поможет построить бизнес. И наши люди помогают строить сообщества» («Our company help build business. And our people help build communities»). Эта реклама посвящена американской страховой компании. На рекламе мужчина и женщина изготавливают какие-то стройматериалы. В этом примере стоит обратить внимание на слово «помощь», оно культурно маркировано, как будто мы обращаемся к этимологии, и даже в наше время оно отражает дух американского народа. Ведь американцы известны своей дружелюбностью и самоотдачей.

Семантика характеризует отношения между знаками и обозначаемыми

объектами действительности. Например: «Потому что вы достойны этого. Измените жизнь ваших волос» («Because you are worth it. Change the life of your hair»). В этой рекламе мы видим фразу, прошедшую проверку временем. Копирайтер очаровывает своих потенциальных клиентов заманчивой фразой. Он вкладывает в нее уважение к покупателю, также проанализировав эту фразу, мы можем почувствовать, что автор хочет подчеркнуть качество товара. Эта культурологическая составляющая стала частью культурной ценности американского народа, поскольку она вселяет уверенность в народ, подчеркивая его уникальность. Получая эту информацию, покупатель перефразирует ее в «потому что я достоин этого».

Прагматика характеризует отношение между знаками и говорящим или слушающим. Например: «Пора проснуться и почувствовать запах чая» («It's time to wake up and smell the tea»). В этой рекламе мы видим чашку чая на столе. Можно провести аналогию с английской идиомой «Проснись и понюхай кофе» («Wake up and smell the coffee»). Это означает, что нужно обратить на это внимание, потому что Вы не понимаете (потеряли) что-то важное и очевидное. Возможно, копирайтер хочет подчерк-

нуть, что если потенциальному покупателю не удастся попробовать чай этой марки, то он упустит что-то очень важное в жизни, в данном примере чай: если Вы не купите этот продукт, Вы не сможете оценить качество этого товара.

Таким образом, социокультурные компоненты широко используются во всех частях современного рекламного текста: заголовках, слоганах, информационных блоках. Итак, являясь составляющими когнитивной базы носителей языка, исследованные единицы обладают широким ассоциативным потенциалом и делают речь экспрессивной и эмоционально окрашенной. Особыми свойствами социокультурного компонента являются:

1) легкое восприятие, они знакомы большинству людей, поэтому рекламные сообщения, основанные на них, воспринимаются быстро;

2) образность социокультурного компонента оказывает достаточно сильное эмоциональное воздействие на реципиента;

3) трансформация или перефразирование известной социокультурной составляющей неизбежно привлекает внимание получателя рекламного сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Е. А. Дискурс как логико-когнитивный процесс // Текст как единица филологической интерпретации. Новосибирск: Изд-во «Немо Пресс», 2015.
2. Лебедева Л. В. Психология рекламы: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2010.
3. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур // Иностранные языки в школе, 2000.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Текст / отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. сл. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997.
5. Телия В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки: XI Международная конференция. М.: Обнинск, 1995.

© Нафикова Л. Ф.

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 159.923

Л. Г. БИКЧИНТАЕВА, доцент кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат психологических наук, доцент (г. Уфа)

L. G. BIKCHINTAYEVA, associate professor of the chair of pedagogic and psychology in the work of employers of department of internal affairs of Ufa Law Institute of the Interior Ministry of Russia, candidate of psychology, associate professor (Ufa)

**К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ПАРАДИГМЫ И СМЫСЛОВЫХ АКЦЕНТОВ
ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ**

**ON THE CHOICE OF PARADIGM AND SEMANTIC ACCENTS
OF THE STUDY OF PERSONALITY PSYCHOLOGY
IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION SYSTEM
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Аннотация. Освоение психологического знания, обладающего сильно выраженной активной, действующей составляющей, может помочь обучающемуся в вузе изменяться, развиваться как личность. Констатируется, что психология, основанная на усвоении конгломерата знаний, не может научить обучающегося самостоятельно искать и находить смысл собственной жизни. В статье рассматриваются воспитывающая задача освоения психологии при смене доминирующей гуманистической парадигмы научного изучения и развития личности, а также психологические личностные особенности возрастного этапа обучающихся в вузе как сензитивного периода развития мировоззрения личности.

Ключевые слова: личность, психология личности, развитие личности, юность, молодость, теории личности, гуманистическая парадигма, естественно-научная парадигма, мировоззрение личности.

Annotation. Learning of psychological knowledge which has an active component can help students to change themselves and develop themselves as a personality. It is concluded that psychology which is based on conglomerate of knowledge can't help student to seek and find meaning of his life. Article reveals educational function of learning psychology in case of changing dominant paradigm of scientific research and personal development. In article psychological peculiarities of personality of students in sensitive period of worldview development are disclosed.

Keywords: personality, personality psychology, personality development, adolescence, personality theories, humanistic paradigm, natural science paradigm, worldview of personality.

К важнейшим системам социализации для современного человека относятся учреждения высшего образования, в котором происходят процессы передачи профессиональных знаний и умений, а также профессионально значимой информации, культуры, общественной морали. Главной целью высшего образования является формирование профессионала, в то же время одновременно с этим происходит общее развитие личности, закладывается фундамент научного мировоззрения. Одна из основных задач высшей школы заключается в психолого-педагогической поддержке обучающихся в становлении «личностного фундамента» смысло-жизненных ориентаций [1, с. 16].

Известна большая мировоззренческая нагрузка психологического знания, имеющего непосредственное отношение к важнейшим ответам на вопросы о сущности личности, ее ценностных ориентациях, определяющих отношение к миру, о смысле существования личности и ее места в мире [2, с. 72]. Освоение психологического знания, обладающего сильно выраженной активной, действующей составляющей, может помочь обучающемуся изменяться, развиваться как личность.

В учебные планы подготовки обучающихся по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность», реализуемым в образовательных организациях высшего образования системы МВД России, включена дисциплина «Психология», относящаяся к базовой части основной образовательной программы подготовки специалиста. Согласно рабочей учебной программе дисциплины, включающей тему «Личность как объект психологического познания в правоохранительной деятельности», обучающиеся должны усвоить следующее содержание темы: понятие личности и ее психологические признаки; основные подходы к пониманию лично-

сти в психологической науке; общая характеристика и содержание основных компонентов структуры личности.

Согласно мнению исследователей проблема личности является основной и самой сложной в психологии, как и в науке вообще. В психологии личности в настоящий момент отсутствует единая непротиворечивая теория, многочисленные определения понятия личности подчинены определенным теоретическим авторским концепциям. Различия зачастую диаметрально противоположных позиций в психологических подходах к определению сущности личности объясняются большим разнообразием способов построения психологических теорий личности [3, с. 176].

Современная психология личности характеризуется как крайне раздробленная, с наличием серьезных разногласий в своих теоретических и методологических подходах [4, с. 523]. В связи с тем, что тема и вопросы для освоения обучающимися поставлены широко и развернуто, перед преподавателем психологии в образовательной организации системы МВД России стоит достаточно сложная и ответственная задача анализа и выбора значимого материала изучения психологии личности среди бесчисленного количества много-томных изданий и учебников.

А. Г. Асмолов призывает психологов помочь обществу овладеть правдой о личности, а самой личности осознать правду об обществе, стать свободно действующей, отвечающей за свои поступки и отстаивающей свою индивидуальность [5, с. 407]. Автор, выделяя особенности познавательной ситуации изучения личности в виде многогранности ее феноменологии и междисциплинарного статуса проблемы личности, приходит к мысли о необходимости ее изучения в системе координат методологии науки. Следовательно, в рамках изучения дисциплины и темы «Личность как объект психологического по-

знания в правоохранительной деятельности» преподавателю в первую очередь необходимо определиться с парадигмальной трактовкой поведения и деятельности личности, основными принципами понимания личности, механизмами и закономерностями ее развития, то есть осмыслить методологические основания психологии личности.

На ракурс рассмотрения психологии личности существенное влияние оказывает общее направление научного психологического знания к смене доминирующей парадигмы – исходного образца, матрицы, общего контекста научных представлений, аксиом, методов, которые предопределяют общепризнанные установки, разделяемые научным сообществом в конкретной исторический период.

Г. А. Борулава называет гуманистическую парадигму доминирующей сегодня для всех наук о человеке, констатируя психологическую науку сложившейся парадигмой развития личности, также носящей название гуманистической [6, с. 194]. Данная парадигма противостоит естественно научной парадигме развития личности (позитивистской, объектно-ориентированной), объясняющей личностное развитие детерминированностью социумом и биологическими факторами с выделением основного критерия развития – степени адаптации личности к социуму. Так, рассмотрение личности как зеркального отражения, «слепок» оказанных на нее в разное время в процессе онтогенеза социальных воздействий названо А. А. Реаном «механистической концепцией социализации личности» [7, с. 377]. В. М. Розин признает психологию, ориентированную на естественно научный идеал, «псевдопсихологией» по причине того, что она, по его мнению, способствует антидуховности личности, закрывая путь для ее духовного роста, для свободы [8, с. 531].

Применительно к психологии личности Д. А. Леонтьевым выделена суть гуманистической парадигмы в психологической науке: неприродное измерение жизнедеятельности человека, приобретение личностью многообразия возможностей, демонстрация «цветущей сложности» расходящихся дискурсов, видение мира через призму возможностей, а не только необходимости, наличие у каждой личности внутреннего мира с определенным смысловым содержанием [9, с. 107].

Фактором, определяющим основы развития личности в рамках гуманитарной парадигмы, названа собственная активность личности при существенном влиянии на ее развитие социальной среды и присваиваемых поведенческих стереотипов. Сочетание социального и биологического факторов и собственной активности в развитии каждой личности является индивидуальным; источником новообразований индивидуальности личности и одновременно ее главной движущей силой названы отношения человека с другими людьми; образ мира как основной интегральный системообразующий феномен психики оказывает основополагающее влияние на развитие личности.

Наряду с осмыслением современной методологии психологии личности, необходимо обозначить особенности возрастного развития обучающихся в вузе с целью определения эффективных смысловых акцентов изучения психологии личности, актуальных и значимых для них на данном возрастном этапе развития.

В юношеском возрасте происходят кардинальные сдвиги в смысловой сфере личности, заключаются они в уточнении и углублении образа себя и Я-концепции в целом, важных изменениях восприятия и осознания собственных позиций на мир, определении в нем своего пути и своих целей. То есть именно данный возрастной этап являет-

ся особым, сензитивным периодом развития мировоззрения личности как обобщенной системы взглядов на мир в целом и своего собственного места в нем, понимания и оценки смысла деятельности.

Результаты психологических исследований показывают, что юношеский возраст является противоречивым, сочетающим в себе обретение субъектности в отношении своего будущего, яркое переживание собственной автономии, постоянные соблазны испытать свои новые «взрослые» права и возможности. При этом в развитии абсолютного большинства обучающихся на младших курсах проявляется несоответствие социальным, а нередко и психологическим критериям взрослости: идентичность все еще находится в периоде становления, иерархия мотивационной сферы неустойчива, поведение в результате чаще всего неровное и довольно инфантильное [10, с. 10]. К моменту завершения юности формируется центральное психологическое новообразование возраста – становление устойчивого самосознания; обретаются личностный контроль, самоуправление, активная жизненная позиция, самоопределение, формирование убеждений и ценностей.

Процесс обучения в вузе в течение пяти лет является переходной границей от юности к молодости – возрастному периоду, в котором должно произойти становление самостоятельности и ответственности личности за свои поступки, развитие способности принимать «смысложизненные» решения. Значимым является то, что именно данный возрастной этап развития характеризуется закреплением мировоззренческих ориентаций при построении устойчивого «образа мира», осмысленностью построения будущего с выстраиванием системы ценностей, обретением и реализацией индивидуальных смыслов жизни.

Культурное поле, социокультурный контекст современного общества, в котором сегодня существует личность, принципиально изменились: новая информационная революция обусловлена массовым вхождением в жизнь личности мировой информационной сети. Непосредственным результатом влияния на психологические особенности обучающейся личности стала смена системного подхода в обучении на сетевой подход, характеризующийся эклектичностью и бессистемностью информации, опосредованной мотивационными установками человека.

Психология, основанная на усвоении конгломерата знаний, включающих калейдоскоп имен, мыслей, фактов, не может научить обучающегося самостоятельно искать и находить смысл собственной жизни, причем такой смысл, который способствует становлению личности, ее самореализации.

Таким образом, определяется важнейшая воспитывающая задача изучения психологии личности курсантами и слушателями образовательных организаций системы МВД России: вооружение обучающихся определенными смысловыми психологическими знаниями, призванными в максимальной степени действительно помочь им измениться, развиваться как личности, нацелить на формирование картины мира с соответствующими ей убеждениями и мировоззрением. Это достаточно сложная задача объединения смысла гуманитарной парадигмы психологии личности с траекторией личностного возрастного развития обучающихся образовательных организаций высшего образования системы МВД России требует от преподавателя психологии рефлексивной позиции, опоры на методологические основания психологии личности, а также нацеленности на содействие духовному росту обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудновский В. Э. Становление личности и проблема смысла жизни: избранные труды. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006.
2. Корнилов Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. СПб., 2006.
3. Маланов С. В. Методологические и теоретические основы психологии. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005.
4. Философия социальных и гуманитарных наук / под общ. ред. проф. С. А. Лебедева. М.: Академический Проект, 2006.
5. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.
6. Бериулава Г. А. Методология современной психологии: монография М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2009.
7. Общая психология и психология личности / под ред. А. А. Реана. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009.
8. Розин В. М. Психология: наука и практика: учебное пособие. М.: РГГУ: Омега-Л, 2005.
9. Леонтьев Д. А. Психология как гуманитарная наука: от дисциплины необходимого к «цветущей сложности» возможного. В кн.: Прогресс психологии: критерии и признаки / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009.
10. Психология раннего студенческого возраста: монография / под ред. Е. Л. Бережковской. М.: Проспект, 2016.

© Бикчинтаева Л. Г.

УДК 316.624.3:364.277-0536 (470)

В. Л. ЛИНЕВИЧ, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат психологических наук, доцент (г. Уфа)

V. L. LINEVICH, head of the department of pedagogy and psychology in the activities of employees of the internal affairs bodies of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of psychology, associate professor (Ufa)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ ПОДРОСТКОВ КАК ФАКТОР СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА

SOCIAL AND LEGAL DEFENSE OF ADOLESCENTS AS A FACTOR OF SUICIDAL RISK

Аннотация. Статья посвящена социальному, психологическому и педагогическому сопровождению детей, подростков, молодежи с суицидальным поведением. Рас-

сма­трива­ют­ся аспек­ты со­вер­шен­ст­во­ва­ния меж­ве­дом­ст­вен­но­го вза­им­о­дей­ст­вия по во­про­сам до­ку­мен­то­об­о­ро­та не­со­вер­шен­но­лет­не­го с суици­даль­ным ри­ском. Анали­зи­ру­ют­ся фак­то­ры со­ци­аль­ной сре­ды, про­во­ци­ру­ю­щие суици­даль­ное по­ве­де­ние не­со­вер­шен­но­лет­них. Отра­же­ны ос­нов­ные про­бле­мы со­ци­аль­но-пра­во­вой неза­щи­щен­но­сти де­тей и по­дрост­ков в кри­зис­ных си­ту­а­ци­ях, спо­соб­ст­вую­щие воз­ник­но­ве­нию суици­даль­ной мо­ти­ва­ции. При­ве­ден ал­го­ритм ока­за­ния по­мо­щи не­со­вер­шен­но­лет­ним с суици­даль­ны­ми выс­ка­зы­ва­ни­я­ми и дей­ст­ви­я­ми.

Ключевые слова: суицидальное поведение подростков, превенция депрессии и суицидов, группы риска суицидального поведения, самоубийства и потребление алкоголя в России, суицидальная ситуация в Республике Башкортостан, профилактика суицидов у онкологических больных, маркеры риска суицидального поведения, превенция самоубийств.

Annotation. The article is devoted to the socio-psychological and pedagogical support of children, adolescents, and young people with suicidal behavior. The aspects of improving interdepartmental cooperation on the document flow of a minor with suicidal risk are considered. The factors of the social environment that provoke the suicidal behavior of minors are analyzed. The main problems of social and legal insecurity of children and adolescents in crisis situations that contribute to the emergence of suicidal motivation are reflected. The algorithm of assistance to minors with suicidal statements and actions is given.

Keywords: suicidal behavior teens in West Europe, preventive depression and suicides, risk groups of suicidal behavior, suicide and alcohol consumption in Russia, suicidal situation in Republic of Bashkortostan, preventive suicides among patients with oncologic diseases, risk markers of suicidal behavior, preventive of suicides.

Проблема изучения самоубийств как причин смерти несовершеннолетних, социально-правовой незащищенности данной категории граждан, приводящих к формированию суицидального поведения в современном обществе, анализ эффективности методов социального, медицинского, психологического, педагогического сопровождения лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, по-прежнему остается многогранной и актуальной темой исследований в психологии, психиатрии и других отраслях науки [1, 2, 3]. Данной тематике был посвящен Всероссийский научно-практический семинар «Родителям посвящается...» по профилактике суицидов несовершеннолетних, прошедший 18 октября 2018 года в Уфе. В работе семинара в режиме онлайн приняли участие города-миллионники Российской Федерации: Волгоград, Казань, Красноярск, Самара, Челябинск, Екатеринбург.

В рамках данного форума обсуждались основные функции семьи в изменяющемся мире; стили воспитания и влияние родителей на формирование личности ребенка; повышение превентивной грамотности среди родительской общест­венности по вопросам профилактики аутоагрессивного поведения среди детей, подростков и молодежи; виды поддержки семьи как способ адаптации в трудной жизненной ситуации; проблемы отчужденности в семейных детско-родительских отношениях [4]. Рассматривались аспекты социально-психологической помощи уязвимым категориям молодежи; предупреждение деструктивного поведения среди несовершеннолетних; формирование навыков общения в конфликтных ситуациях; кибердвижение как средство формирования безопасного Интернет-пространства для несовершеннолетних [5]. Анализи­ро­ва­лись со­ци­аль­но-пси­хо­ло­гический портрет несовершеннолетнего в

Интернет-пространстве; принципы эффективности межведомственного взаимодействия по профилактике суицидального поведения; превенция, маркеры суицидального поведения; формирование практических навыков психолого-педагогической компетентности по профилактике суицидов подростков, оказавшихся в социально-опасном положении [6]; социально-психологическое сопровождение несовершеннолетних с аутоагрессивными формами поведения в условиях образовательной организации; социальная среда как фактор влияния на суицидальное поведение ребенка; социальные технологии определения риска самоубийств среди детей, подростков, молодежи [7].

Проблема суицидов в современном обществе была и остается актуаль-

ной в России. Самоубийство несовершеннолетних, как правило, вызывает резонанс в обществе и СМИ. По официальным данным, количество самоубийств за 9 месяцев 2018 года в России составило более двух тысяч человек, из которых более трети – несовершеннолетние. Исследования данной проблемы показывают, что только в 10 % случаев у подростков имеется истинное желание покончить с собой, а в 90 % случаев суицидальное поведение является «криком о помощи» [8]. Количество суицидальных попыток, совершенных детьми и подростками в Республике Башкортостан с 2011 по 2018 гг., указывает на «стабилизацию» данного показателя на высоком уровне (график 1).

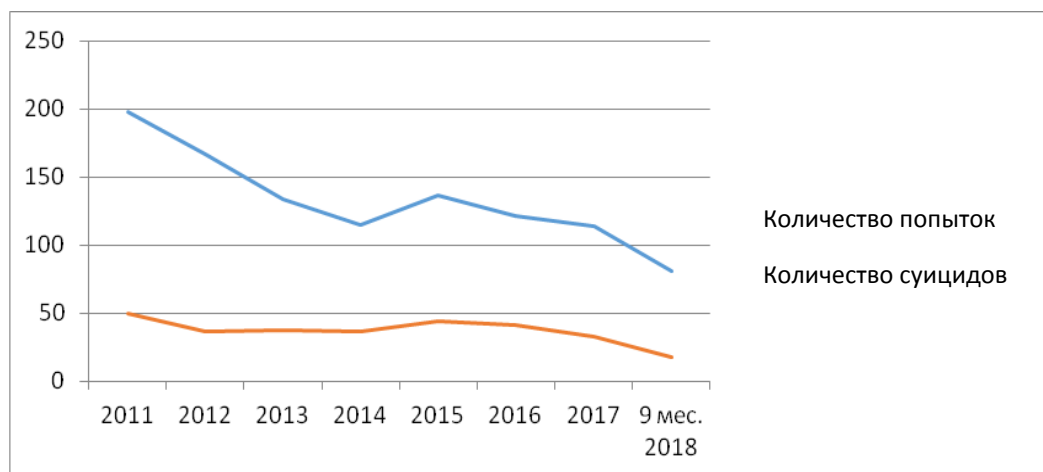

График 1. Количество попыток и завершенных самоубийств, совершенных несовершеннолетними в Республике Башкортостан за период с 2011 г. по октябрь 2018 г.

Так, в 2011 году несовершеннолетними было совершено 198 попыток самоубийства и 50 завершенных суицидов. В 2012 г. данные показатели составили 167 попыток и 36 суицидов, в 2013 г. – 134 попытки и 37 суицидов, в 2014 г. – 115 попыток и 36 суицидов, в 2015 г. – 136 попыток и 44 суицида,

в 2016 г. – 121 попытка и 41 суицид, в 2017 г. – 114 попыток и 33 суицида, за 9 месяцев 2018 г. была совершена 81 суицидальная попытка и 17 суицидов детей и подростков. Соотношение данных показателей по половому признаку за период с 2014 по 2018 гг. представлено на диаграммах 1 и 2.

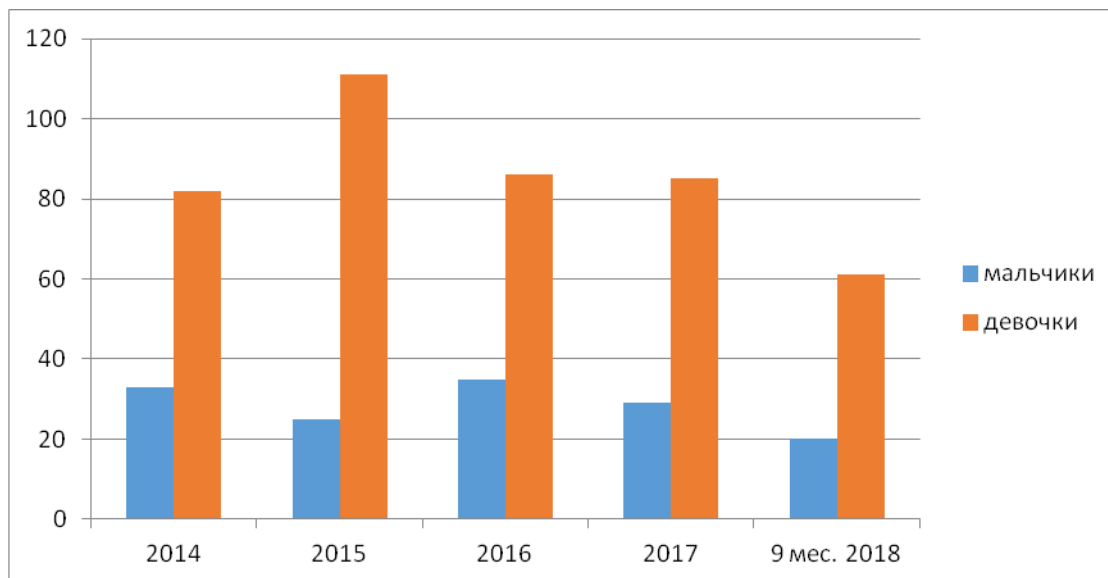

Диаграмма 1. Количество завершенных самоубийств, совершенных мальчиками и девочками в Республике Башкортостан за период с 2014 г. по октябрь 2018 г.

Количество суицидов, совершенных мальчиками, начиная с 2015 года имеет тенденцию к снижению на фоне «стабильной» суицидальной смертности среди девочек. При этом в 2018 году соотношение совершенных самоубийств девочками превышает количество таковых совершенных мальчиками. Противоположную тенденцию видим на диаграмме 2. Показатель суицидальных попыток, совершенных девочками за последние 5 лет, стабильно высокий, за

исключением максимального показателя в 2015 году, составивший 111 случаев, в остальные годы она превышает 80 попыток самоубийства в год. Количество совершенных попыток девочками по сравнению с мальчиками в 2014 году больше в 2,4 раза, в 2015 г. – в 4,4 раза, в 2016 г. – в 2,5 раза, в 2017 г. – в 2,9 раза. За 9 месяцев 2018 года количество совершенных попыток самоубийства девочками в 3,1 раза больше по сравнению с мальчиками.

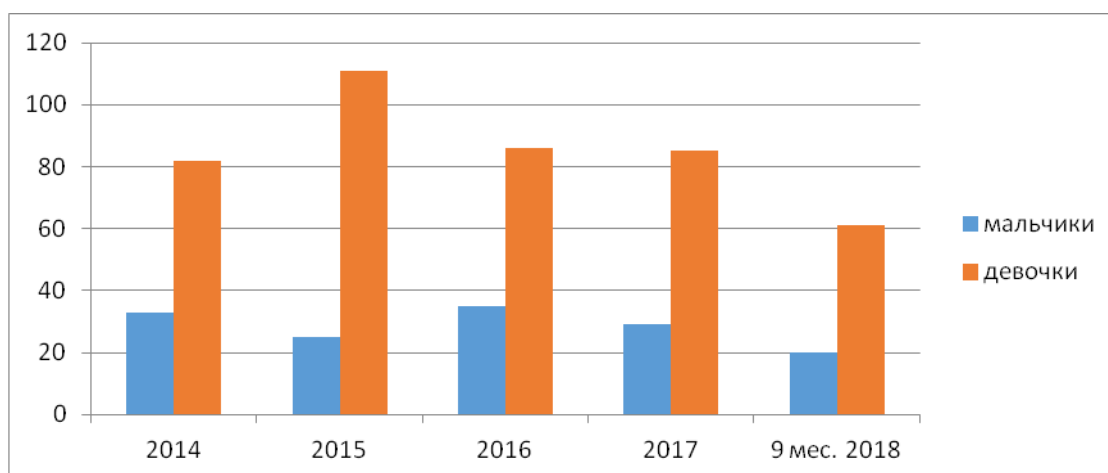

Диаграмма 2. Количество суицидальных попыток, совершенных мальчиками и девочками в Республике Башкортостан за период с 2014 г. по октябрь 2018 г.

Более 80 % попыток самоубийства совершают подростки в возрасте 15–17 лет, оставшиеся 20 % приходятся на несовершеннолетних в возрасте 10–14 лет. Более 90 % завершённых суицидов приходятся на подростков в возрасте 15–17 лет, оставшиеся 10 % – несовершеннолетние в возрасте 10–14 лет. Статистика показывает, что в 2016 году попытки суицида среди школьников составили 75 %, учащихся профессиональных училищ – 18 %, учащихся колледжей – 7 %, а суициды среди школьников – 81 %, учащихся профессиональных училищ – 14 %, учащихся колледжей – 5 %, что свидетельствует о недостаточной социально-психологической защищенности данной возрастной категории обучающихся во всех перечисленных образовательных учреждениях. Если возрастные и гендерные показатели суицидов среди несовершеннолетних являются, как уже отмечалось, стабильными и высокими, то мотивация совершения суицидальных попыток подростков в 2017 и 2018 годах существенно отличается.

Так, в 2017 году основными мотивами самоубийств несовершеннолетних являлись: неразделенная любовь (32 %), конфликты с родителями или сверстниками (31 %), проблемы с обучением в школе (23 %), другие причины, включая неустановленные (14 %). Причинами самоубийства несовершеннолетних явились: «сексуальные проблемы» – 22 %, психические расстройства – 15 %, внутрисемейные проблемы – 11 %, внутриличностный конфликт как проявление «комплекса неполноценности», неуверенности, низкой самооценки – 10 %, проблемы в школе – 7 % суицидентов. Подобная инверсия суицидальной мотивации требует детального исследования, адекватной преемственности самоубийств, повышения социальной защищенности, в том числе посредством своевременной и эффективной психологической помощи. Еще одной особенностью суицидов несовер-

шеннолетних в Республике Башкортостан, требующей анализа и решения, является социально-территориальный фактор. Если в развитых странах суицид преимущественно совершают подростки, проживающие в крупных городах, то Республике Башкортостан, как и в Российской Федерации в целом, наблюдается обратная тенденция. Уровень самоубийств несовершеннолетних, проживающих в сельской местности, в несколько раз превышает городской.

Таким образом, попытки самоубийства несовершеннолетними в республике предполагают постоянный мониторинг и анализ половозрастных характеристик и суицидальной мотивации. Профилактика суицидов детей, подростков и молодежи должна включать скоординированную деятельность образовательных учреждений, районных, городских и республиканских психологических центров, специалистов психотерапевтических отделений системы здравоохранения, отделений по делам несовершеннолетних МВД Республики Башкортостан, направленную на:

- пресечение жестокого обращения, любых форм насилия над детьми и подростками;
- организацию занятости несовершеннолетних;
- оптимизацию педагогического процесса с дифференциальной учебной нагрузкой всех возрастных групп учащихся школ, профессиональных училищ, колледжей;
- психолого-психиатрическую коррекцию, включающую индивидуальность, комплексность, эффективную длительность и преемственность;
- эффективную психофармакологию с использованием современных технологий и лечебно-диагностических процедур;
- доступность получения консультаций и помощи посредством «Телефона доверия»;
- сотрудничество со СМИ по информационно-психологической безо-

пасности и формированию взвешенной информационной политики при освещении ими фактов суицидов, особенно детей, подростков и молодежи.

Также профилактика суицида у несовершеннолетних должна включать:

– подготовку учителей, родителей по распознаванию признаков риска суицидального поведения у учащихся, повышению навыков бесконфликтного общения;

– систему школьного образования как площадку по внедрению программ по укреплению психического здоровья, пропаганде здорового образа жизни и профилактике самоубийств;

– доступную психолого-психиатрическую амбулаторную и стационарную помощь посредством увеличения количества психологических центров и квалифицированных специалистов, способных оказать эффективную помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Линевич В. Л. Детско-родительские отношения: фактор суицидального риска несовершеннолетних // Система защиты прав несовершеннолетних и молодежи в регионах Российской Федерации: проблемы, тенденции, перспективы: сборник Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2006.
2. Линевич В. Л. Диагностика девиаций у подростков и юношей как фактор суицидального риска // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2010. № 7.
3. Линевич В. Л. Суицидологическая помощь: актуальные тенденции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 4 (74).
4. Трофимова Е. В. Основные функции семьи в изменяющемся мире. Стили воспитания в семье и влияние родителей на формирование личности ребенка // «Родителям посвящается...»: сборник материалов Всероссийского научно-практического семинара по профилактике суицидов, совершаемых несовершеннолетними. Уфа, 2018.
5. Ангели С. С. Социально-психологическая помощь уязвимым категориям молодежи // «Родителям посвящается...»: сборник материалов Всероссийского научно-практического семинара по профилактике суицидов, совершаемых несовершеннолетними. Уфа, 2018.
6. Халфина Р. Р. Социально-психологический портрет несовершеннолетнего в Интернет-пространстве // «Родителям посвящается...»: сборник материалов Всероссийского научно-практического семинара по профилактике суицидов, совершаемых несовершеннолетними. Уфа, 2018.
7. Цилюгина И. Б. Социальная среда как фактор влияния на суицидальное поведение подростка // «Родителям посвящается...»: сборник материалов Всероссийского научно-практического семинара по профилактике суицидов, совершаемых несовершеннолетними. Уфа, 2018.
8. Хох И. Р. Социально-психологический портрет несовершеннолетнего с суицидальным поведением // «Родителям посвящается...»: сборник материалов Всероссийского научно-практического семинара по профилактике суицидов, совершаемых несовершеннолетними. Уфа, 2018.

© Линевич В. Л.

УДК 378.6.351.74.016:355.541.1 (470)

А. И. МУРТАЗИН, преподаватель кафедры
огневой и тактико-специальной подго-
товки Уфимского юридического институ-
та МВД России (г. Уфа)

A. I. MURTAZIN, teacher of the department
of tactical and special training of the Ufa Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia (Ufa)

**ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**FIRE TRAINING OF CADETS AND LISTENERS OF EDUCATIONAL
ORGANIZATIONS OF THE SYSTEM OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS**

***Аннотация.** В данной статье автор рассматривает проблемные аспекты огневой подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России. На основе предоставленных данных статистики по России делается вывод об увеличении случаев неумелого обращения с огнестрельным оружием.*

***Ключевые слова:** органы внутренних дел, полиция, огневая подготовка, морально-психологический облик.*

***Annotation.** In this article the author considers the problematic aspects of fire training of cadets and students of educational organizations of the Ministry of internal Affairs. On the basis of the provided data of statistics on Russia, it is concluded that cases of inept handling of firearms have become more frequent.*

***Keywords:** internal affairs bodies, police, fire training, moral and psychological appearance.*

Всем известно, что в настоящее время в связи с реализацией полицейской реформы 2011 года повышаются требования к сотрудникам полиции. Эти требования касаются и огневой подготовки. На сегодняшний день ни для кого не секрет, что данное направление имеет весьма значимое практическое значение, что обусловлено осуществлением властных полномочий сотрудниками полиции и наличием у них права на применение огнестрельного оружия [1].

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 1 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») предназначением полиции является защита

жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности. В связи с этим, при осуществлении служебной деятельности сотрудники полиции наделяются определенными полномочиями, позволяющими им более качественно и эффективно выполнять свои функции. Это отражено в ч. 1 ст. 18 ФЗ «О полиции», где говорится о том, что сотрудник полиции вправе применить физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие

лично или в составе подразделения (группы). К тому же ст. 19 ФЗ «О полиции» четко регламентирует порядок их применения сотрудником полиции.

Таким образом, предполагается, что, имея законодательную регламентацию применения огнестрельного оружия, сотрудник полиции должен действовать быстро и решительно, основываясь на букве закона. Но, к сожалению, на практике мы видим совершенно иную картину. Нередки случаи неправомерного применения огнестрельного оружия, за что нерадивые сотрудники привлекаются к ответственности. Нельзя оставлять без внимания и случаи причинения вреда сотрудниками полиции вследствие неумелого обращения с оружием, что иногда приводит и к летальным исходам [2].

Ежегодная статистика МВД России отражает случаи, когда сотрудники полиции, не принимая мер личной безопасности, получают ранения, увечья и гибнут. Так, по официальным данным, лишь за 2016 год при исполнении служебных обязанностей погибло 139 человек, в том числе 93 сотрудника органов внутренних дел и 46 военнослужащих Росгвардии [3].

Как видно из представленных выше статистических данных, в ходе осуществления служебных обязанностей сотрудники полиции допускают ряд непростительных ошибок, просчетов, приводящих в конечном счете к негативным последствиям, подрывающим репутацию правоохранительных органов.

Именно поэтому необходимо особое внимание уделять подготовке молодых специалистов. Мы знаем, что образовательные организации системы МВД России имеют все условия для качественной подготовки будущих сотрудников полиции. Но нередко обучение происходит в тирах путем отработки стандартных нормативов, которые не всегда бывают эффективны в практической деятельности. Курсанты и слушате-

ли могут отлично выполнять упражнения в ходе учебных занятий, но на практике они сталкиваются с психологическим аспектом применения оружия. Согласитесь, очень сложно применять оружие в отношении живого человека в реальной ситуации. В связи с этим, следует уделять внимание и психологической подготовке курсантов и слушателей.

Преподаватели кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Краснодарского университета МВД России А. Н. Таранов и А. А. Бойков считают важнейшим фактором успешной подготовки стрелка именно психофизиологическую подготовку. По их мнению, формирование у сотрудника особого психического состояния способно обеспечить достижение поставленной цели, иными словами, способности переводить непроизвольные эмоциональные реакции в экстремальных ситуациях в осознанные и контролируемые. Кроме того, оказывает помощь стрелку в овладении приемами самоуправления (аутогенной тренировки), рефлексии, переключения и отвлечения внимания, осмысления обстоятельств, послуживших причиной стрессового состояния, самоконтроля за экспрессией и установления спокойного ритма дыхания [4, с. 325].

Таким образом, думается, что нет смысла умалять значение психофизиологической подготовки курсантов и слушателей. Следует осознавать, что при обучении важно работать на перспективу: от того, какие знания, умения и навыки курсанты и слушатели получат в годы обучения, зависит успешная их деятельность в будущем. К тому же следует учитывать, что накопленный опыт данные сотрудники будут передавать последующим поколениям, и это приведет исключительно к позитивным последствиям [5].

Поговорив о важности психологической подготовки курсантов и слушателей, следует сказать о практической

реализации данного направления подготовки будущих сотрудников полиции.

Важное значение в освоении применения огнестрельного оружия курсантами и слушателями играет морально-психологический аспект. Необходимо формирование процесса обучения и воспитания, нацеленного на решение таких задач, как:

1) знание курсантами требований федеральных законов, указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ, нормативных правовых актов МВД России, определяющих содержание действий сотрудников органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах;

2) формирование у каждого обучающегося высокого морального духа, осознанного понимания социальной значимости участия в выполнении задач при чрезвычайных обстоятельствах;

3) актуализация таких морально-психологических и профессиональных качеств, как бдительность, стойкость, смелость, мужество, собранность, внимание, выносливость, разумная инициа-

тива, находчивость, решительность, ответственность за соблюдение требований служебной дисциплины и законности, чувство взаимопомощи, взаимовыручки, готовность к самопожертвованию во имя защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты Отечества и др.

Таким образом, подводя итоги, хотелось бы отметить, что высокого уровня подготовки специалистов органов внутренних дел можно добиться, лишь применяя достижения передовых знаний в области науки и практики, ориентированных на совершенствование средств и методов обучения. Достижение качественно нового уровня работы возможно при условии повышения профессиональной подготовки и ее составной части – огневой тренировки. Для сотрудников органов внутренних дел ее эффективность особенно важна, поскольку при выполнении служебных задач они сталкиваются с противодействием и неповиновением со стороны правонарушителей, что требует решительности и соответствующих умений и навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Музафин Р. Р. Актуальные вопросы развития огневой подготовки в органах внутренних дел // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1 (104).
2. Горячева Н. Ю. Огнестрельное оружие ограниченного поражения как средство сохранения неотъемлемого права человека и гражданина на жизнь // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 3-3.
3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 15.10.2018).
4. Таран А. Н., Бойков А. А. Психофизиологические особенности огневой подготовки курсантов в учебных заведениях МВД России // Общество и право. 2014. № 1 (47).
5. Обучение стрельбе в образовательных организациях МВД России / Конычев А. А. [и др.] // В сб. Современное состояние и тенденции развития физической культуры и спорта: материалы II Всероссийской заочной научно-практической конференции. Белгород, 2015.

© Муртазин А. И.

УДК 378.6.351.74:796.011.1(470)

Г. И. СТЕПАНОВ, доцент кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Уфа)

G. I. STEPANOV, associate professor of department of physical preparation of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of pedagogical sciences, associate professor (Ufa)

Д. Д. ТУКО, заместитель начальника кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

D. D. TUKO, deputy head of department of physical preparation of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

**РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ**

**THE ROLE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN PROFESSIONAL TRAINING
OF TRAINERS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE SYSTEM
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

***Аннотация.** В статье рассматривается роль физической культуры и спорта в формировании здорового образа жизни обучающихся образовательных организаций системы МВД России. Изучены характеристики физической активности обучающихся.*

***Ключевые слова:** движение, физическая культура, спорт, физическая активность, профессиональная подготовка.*

***Annotation.** In the article the role of physical culture and sport is examined in forming of healthy way of life among student educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Descriptions of physical activity of student are considered.*

***Keywords:** motion, physical culture, sport, physical activity, professional preparation.*

Начиная с ранних этапов развития человеческого общества движение всегда являлось необходимым условием выживания человека. Движение посредством мышечной деятельности за время эволюционного развития человечества подчинило себе жизнедеятельность практически всех систем орга-

низма. Древние римляне говорили: «Движение есть жизнь, нет движения – нет жизни». За последние полтора столетия доля мышечной деятельности человека благодаря научно-техническому прогрессу снизилась до ничтожно малого уровня. Достижения цивилизации привели в конечном итоге к такому

низкому уровню двигательной активности современного человека, что человек, по сути, превратился в «деятельного бездельника». В одночасье человек, тысячелетиями активно двигающийся, стал человеком сидящим.

Ежедневная работа у многих людей в большинстве своем связана с сидением и недостаточной двигательной активностью. Эти недостатки невозможно компенсировать ничем иным, как активной двигательной деятельностью. К сожалению, эти проблемы человечества не обошли стороной и обучающихся образовательных организаций системы МВД России. В период обучения в образовательных организациях системы МВД России у большинства обучающихся, занимающихся умственной деятельностью, наблюдается ограничение двигательной активности.

Встает вопрос: «Сколько часов в день сидят обучающиеся при получении знаний?». С уверенностью можно сказать, что в состоянии относительной обездвиженности обучающиеся находятся от 50 до 70 % времени в течение дня. Снижение двигательной активности обучающихся постепенно, но однозначно пагубно сказывается на их здоровье. Великий ученый и мыслитель древности Гиппократ отмечал, что «болезнь не сваливается на голову как гром среди ясного неба. Она является результатом постоянных нарушений законов природы» [1].

Здоровый обучающийся (в дальнейшем сотрудник подразделения органов внутренних дел) – это тот, который может систематически и уверенно выполнять свои служебные задачи. Поэтому одним из наиболее действенных средств повышения двигательной активности обучающихся в образовательных организациях системы МВД России является грамотное использование широкого спектра средств физической культуры и спорта. При этом нередко физическая культура и спорт выступают

единственной альтернативой многочасовой обездвиженности и различным болезням среди обучающихся. Путь к общекультурному развитию, а следовательно, и к здоровью обучающихся в образовательных организациях системы МВД России начинается с овладения знаниями, в том числе о здоровье и здоровом образе жизни.

Имеющийся теоретический раздел дисциплины «Физическая подготовка» предусматривает овладение обучающимися системой научно-практических и специальных знаний, необходимых для понимания социальной значимости физической культуры и спорта, умения их творческого использования в целях личностного и профессионального развития, самосовершенствования, организации здорового образа жизни при выполнении учебной и профессиональной деятельности. При этом необходимо учитывать, что обладание только теоретическими знаниями не создает установку на повседневную оздоровительную активность и активность в области физической культуры. Только соответствующая организация теоретических и практических занятий, включая проблемы формирования знаний в сфере самостоятельных занятий физической культурой и спортом, позволяет в широком диапазоне и направленно изменять целый ряд показателей физического развития, функционального состояния и психофизиологических возможностей обучающихся. Поэтому образовательные организации ставят перед собой задачу – придать физкультурно-спортивным мероприятиям массовый характер.

В своем выступлении на учредительном съезде «Ассоциации студенческих спортивных клубов России» В. В. Путин отметил: «Занятия спортом в вузах – это не только престижное занятие. Зачастую именно на соревнованиях и характер закаляется, и делается прививка любви к спорту, к физической

культуре на многие годы вперед» [2]. Следует отметить, что их значение во многом определяется еще и тем, что они являются методом приобщения обучающихся к физической культуре и спорту, повышая уровень их физической подготовленности, стимулируя интерес к дальнейшим послевузовским занятиям физическими упражнениями и спортом.

О сформированности физической культуры личности обучающихся можно судить по тому, как и в какой конкретной форме проявляются личностные отношения к физической культуре и ее ценностям. К сожалению, несмотря на проведение всевозможных физкультурных и спортивных мероприятий, в силу различных объективных и субъективных причин двигательная активность в различных ее проявлениях, в особенности на первом этапе обучения, не представляет интерес для большинства обучающихся.

Для многих обучающихся, к сожалению, аспекты физической культуры и спорта в лучшем случае остаются интересным зрелищем. Здесь, объективности ради, следует отметить, что ни приказы, ни надлежащим образом организованные спортивно-массовые мероприятия не смогут заставить обучающихся задуматься о своем здоровье и начать активно двигаться, не имея для этого четких психологических установок, конкретных знаний, умений и навыков. Потому успех данных мероприятий в укреплении здоровья обучающих-

ся, особенно на первом этапе их обучения, во многом заключен в изменении отношения самих обучающихся к спортивным мероприятиям, замене безличного «надо» на осознанное «хочу».

Определенным шагом в этом направлении должно стать формирование у обучающихся осознанной потребности в физическом совершенствовании и воспитании привычек к здоровому образу жизни. Многолетний опыт показывает, что эффективное влияние на организацию спортивных и спортивно-массовых мероприятий в образовательных организациях системы МВД России оказывает привлечение к данным мероприятиям спортсменов, кумиров молодежи, достигших высоких спортивных достижений, из числа самих курсантов и слушателей. Вот почему соответствующим образом организованные теоретические и практические занятия с обучающимися, включающие знания в сфере здоровья и здорового образа жизни, могут стимулировать к занятиям физической культурой и спортом. Данная работа должна вестись целенаправленно и систематически.

Таким образом, развитие физической культуры и спорта в образовательных организациях системы МВД России является частью социальной политики государства, позволяющей внедрить в жизнь обучающихся гуманистические ценности «здоровья» и «здорового образа жизни».

ЛИТЕРАТУРА

1. URL: www.omg-mozg.ru/avtory-gippokrat.htm (дата обращения: 22.10.2018).
2. Выступление на учредительном съезде «Ассоциации студенческих спортивных клубов России» // Российская газета. 2017. № 6113 (137).

© Степанов Г. И.
© Туко Д. Д.

ПАМЯТКА

АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

• Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в ведомственных вузах системы МВД, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по филологическим и педагогическим наукам.

• Рукописи представляются в 2-х экземплярах с приложением электронного варианта.

• Структура статьи:

название на русском и английском языках (печатается заглавными буквами с соблюдением симметрии, шрифт – № 14);

сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются заглавными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати);

аннотация (3–4 предложения) и **ключевые слова** (6–10 слов или словосочетаний) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12;

рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе MICROSOFT WORD с использованием шрифта Times New Roman, размером 14 пунктов через одинарный интервал. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17000 знаков на 7 страницах до 27000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi;

оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %;

пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.05-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница;

индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

• При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, *уголовно-исполнительная система (далее – УИС)*.

• Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные

сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

- К направляемым в редакцию научным статьям прилагаются рецензия (подписи рецензентов заверяются гербовой печатью), выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией статьи к опубликованию, справка о проверке текста статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, заверенная автором.

- Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

- К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

- Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

- К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»
Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи

(название статьи)
в рубрике _____
Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети «Интернет».
Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф дсп, «секретно», а также служебные материалы других организаций.
Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.
Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.
О себе сообщаю следующую информацию:
ФИО (полностью): _____
Должность: _____
Место работы: _____
Ученая степень: _____
Ученое звание: _____
Адрес: _____
Телефон для связи: _____
e-mail: _____
Электронный вариант статьи на ___ страницах прилагается.
Дата, подпись, расшифровка подписи.

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК
УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»**